Matériaux inédits pour la biographie. Tome IV.

Новые матеріалы по біографіи россійскихъ коронованныхъ особъ, составленные на основаніи заграничныхъ документовъ.

ТОМЪ IV.

ПЕТРЪ III,

его дурачества, любовныя похожденія и кончина.

Сочиненіе Ф. ЯВОРСКАГО.

Berlin
Heinrich Caspari
Verlagsbuchhandlung

Matériaux inédits pour la biographie. Tome IV.

Новые матеріалы по біографіи россійскихъ коронованныхъ особъ, составленные на основаніи заграничныхъ документовъ.

ТОМЪ IV.

ПЕТРЪ III,

его дурачества, любовныя похожденія и кончина.

Сочиненіе Ф. ЯВОРСКАГО.

ЛОНДОНЪ.
1903.

Введеніе.

Весьма характеристичнымъ факторомъ русскаго абсолютизма является указъ Петра Великаго отъ 1722 г., въ которомъ этотъ кровожадный, ненасытной чувственностью одаренный деспотъ говоритъ: „предоставляется волѣ царствующаго монарха по своему усмотрѣнію назначать себѣ преемника, а также, съ случаѣ надобности, и отмѣнять таковое назначеніе". И это постановленіе оставалось въ силѣ втеченіе цѣлаго столѣтія и висѣло какъ Дамокловъ мечъ надъ главой каждаго носителя царственной короны.

Завладѣвшіе трономъ и сосавшіе кровь изъ народа при помощи своихъ сатраповъ временщики постоянно дрожали передъ соучастниками своего величія, предъ своими фаворитами и даже своими дѣтьми, которые, при помощи придворныхъ заговоровъ, всегда могли свергнуть ихъ съ высоты престола и потопить въ собственной крови.

Когда Елизавета Петровна, или, какъ историкъ Зугензеймъ о ней говоритъ, „распутнѣйшая изъ женщинъ, когда-либо носившихъ царственный вѣнецъ" въ 1741 г., съ помощью удавшейся дворцовой революціи, достигла трона, она немедленно позаботилась, съ цѣлью болѣе прочнаго обезпеченія за собой короны, назначить себѣ наслѣдника. Своего же предшественника, малолѣтняго царя Ивана Алексѣевича, со всей его родней, она повелѣла заключить въ тюрьму, гдѣ они погибли съ отчаянія, испытывая всевозможныя пытки, поруганія и пр. звѣрства. И

Алсоновач

хотя матушку-царицу, „благовѣрную“ дочь „великаго преобразователя Руси“ и надѣлила природа довольно богатымъ потомствомъ, происходившимъ отъ ея оффиціальныхъ и полуоффиціальныхъ любовниковъ (Разумовскаго, Салтыкова), а также и отъ бравыхъ ребятушекъ-солдатушекъ, съ которыми она такъ особенно охотно проводила длинные вечера и ночи до 11 и 12 часовъ пополудни, тѣмъ не менѣе она не рѣшалась избрать одного изъ этихъ ублюдковъ въ преемники, а сочла за болѣе умѣстное и цѣлесообразное объявить наслѣдникомъ сына сестры, Анны, четырнадцати-лѣтняго герцога Петра Гольштейнскаго.

Петръ III.

Петръ родился въ г. Килѣ 10 22-го Февраля 1728 года, по отцу и дѣду былъ онъ крещенъ Карломъ-Петромъ-Ульрихомъ.

Суевѣрные люди съ первыхъ дней жизни юнаго князя предсказывали ему недобрую будущность: въ день его крещенія взорвало пороховой ящикъ, и это, по ихъ словамъ, было худой примѣтой.

И, правда, вскорѣ пришлось трехлѣтнему младенцу лишиться матери, умершей отъ простуды. Отецъ имъ вовсе не занимался, его отвлекали болѣе важныя дѣла, нежели воспитаніе малютки, да впрочемъ и при жизни жены его герцогъ велъ себя настолько распутно и такъ мало думалъ о своей семьѣ, что герцогиня Анна нерѣдко плакалась на свою горькую судьбу и писала Елизаветѣ: „герцогъ и Маврушка*) окончательно опошлились. Онъ ни одного дня не проводитъ дома, разъѣзжаетъ съ нею совершенно открыто въ экипажѣ по городу, отдаетъ съ нею вмѣстѣ визиты и посѣщаетъ театры“. Жены онъ мало стѣснялся, но когда она умерла, то пала и послѣдняя преграда для него, и для „счастливаго“ вдовца развернулся совершенно свободный путь.

До 1735 г. принцъ Петръ оставался подъ присмотромъ женскихъ наставниковъ, но когда ему исполнилось 7 лѣтъ, его ввѣрили нѣсколькимъ гольштинскимъ дворянамъ для воспитанія и обученія. Кромѣ французскаго языка, кото-

---

*) Любовница и содержанка герцога, Мавра Егоровна Шепелева.

рый Петръ успѣлъ уже изучить, находясь еще у своихъ воспитательницъ и которымъ онъ и далѣе продолжалъ заниматься, обучался онъ всего лишь еще латинскому языку; когда же былъ возбужденъ вопросъ о его возможномъ переселеніи въ Россію для занятія тамъ важнаго поста наслѣдника престола, для Петра были выписаны русскіе ученые, и эти умудрили его въ языкѣ и законѣ Божіемъ новой родины мальчика. Но послѣдніе предметы преподавались настолько неправильно, что кромѣ отвращенія онъ ничего другаго къ нимъ не питалъ и питать не могъ.

Въ 1739 г., когда юношѣ было всего лишь 11 лѣтъ, умеръ и его отецъ, оставивъ съ полдюжины въ трауръ облеченныхъ любовницъ и въ конецъ раззоренное герцогство своему возлюбленному сыну Петру, о которомъ, замѣтимъ между прочимъ, не рѣдко поговаривали, что онъ въ дѣйствительности былъ плодъ незаконной связи его дорогой мамаши съ Брюммеромъ, который позднѣе числился преподавателемъ Петра, но за вѣрность этихъ толковъ мы однако ручаться не беремся.

Итакъ, сираго Петра нужно было куда нибудь пристроить, и его отправили къ опекуну его, дальнему родственнику Адольфу-Фридриху, епископу Любекскому, сдѣлавшемуся позднѣе шведскимъ королемъ. Но обученіе и воспитаніе его и тутъ не измѣнилось къ лучшему, его воспитатели вмѣсто того, чтобы воспитывать характеръ юноши, испортили и развратили Петра окончательно. Одинъ изъ этой мудрой пары, нѣкто фонъ-Брюммеръ, о которомъ была уже рѣчь выше, былъ крайне грубый интриганъ, волокита, искусный берейтеръ, но ни подъ какимъ видомъ не воспитатель. Съ своимъ питомцемъ обходился онъ до невѣроятности нелюбезно и грубо, постоянно ругался самыми непозволительными словами и билъ Петра за пустѣйшія мелочи самымъ безпощаднымъ образомъ. Второй же просвѣтитель, Бергольцъ, мальчикомъ вовсе не занимался и находилъ рѣшительно все въ порядкѣ, что творилось его коллегой Брюммеромъ.

Бѣдный князекъ росъ въ такихъ условіяхъ, больной и исхудалый, и не было ни одной души среди его окружавшихъ, которая питала бы къ нему состраданіе, которая хоть сколько нибудь постаралась бы улучшить суровую долю неповиннаго сироты. Не взирая на физическую слабость Петра, Брюммеръ мучалъ его часто до двухъ часовъ и позднѣе голодомъ, и если несчастный мальчикъ, гонимый голодомъ, украдывалъ на кухнѣ черствый кусокъ хлѣба и наѣдался этимъ до сыта, и, разумѣется, въ обѣденную пору ѣсть не могъ, Брюммеръ гналъ его отъ стола, навѣшивалъ ему вокругъ шеи большой рисунокъ, изображавшій осла, давалъ ему въ руки розги и Петръ въ такомъ видѣ долженъ былъ сидѣть въ углу, а часто и стоять на колѣняхъ и смотрѣть на обѣдавшихъ. Побоямъ и надругательствомъ и счету не было, чувство самоуваженія было окончательно забито, но зато Петръ сталъ крайне вспыльчивъ и упрямъ, и къ этому присоединился другой порокъ, отъ котораго онъ и по гробъ своей жизни могъ отрѣшиться: страсть ко лжи и хвастовству, и это послѣднее вызывало и въ Петербургѣ, когда уже Петръ блисталъ своимъ величіемъ, смѣхъ и ненависть къ нему со стороны приближенныхъ. Уродливый, болѣзненный полуидіотъ-царевичъ уже на 11-мъ году научился отъ своихъ лакеевъ употребленію спиртныхъ напитковъ и въ этомъ обществѣ онъ чувствовалъ себя всего лучше и даже, будучи въ Россіи, Петръ проводилъ среди своихъ холоповъ цѣлые вечера и пьянствовалъ съ ними до безпамятства. Отъ нихъ черпалъ онъ и свои свѣдѣнія о государственныхъ дѣлахъ, отъ нихъ же онъ узнавалъ и всевозможныя придворныя тайны, сальные анекдоты и пр. и пр.

Въ одинъ прекрасный день объявили Петру, что онъ будетъ призванъ не на русскій, а на шведскій престолъ: изученіе русскаго языка а также православнаго культа было поэтому отмѣнено, и на ихъ мѣстѣ появились шведскіе учебники, лютеранское законовѣдѣніе и пр., и въ

этомъ направленіи велось воспитаніе мальчика довольно продолжительное время.

Но вотъ въ ноябрѣ 1741 г. Елизавета Петровна овладѣваетъ всероссійскимъ престоломъ, и вскорѣ послѣ того пишетъ она своему племяннику, нашему герою, что она имѣетъ намѣреніе призвать его къ себѣ и готовить къ престолонаслѣдію. Разумѣется со всѣхъ сторонъ явились поздравители, всѣ увѣряли, что молодаго принца ожидаетъ несказанное счастье, не подозрѣвая, однако, того, что за счастье ожидало его въ дѣйствительности въ его новой сторонкѣ.... Эхъ, лучше бъ онъ туда вовсе не ѣхалъ!....

Въ январѣ 1742 г. былъ торжественный въѣздъ молодаго принца въ Петербургъ. Императрица встрѣтила его въ Зимнемъ дворцѣ со всѣми почестями. Будни стали праздниками, всюду музыка, народныя увеселенія, балаганы.... Народъ толпами стремился на Невскій проспектъ, посмотрѣть на своего будущаго властителя. Отовсюду слышалось несмолкаемое „ура“, шапки летѣли чуть не въ экипажи нашихъ высочайшихъ особъ и, кажется, такого счастія Россія и испоконъ вѣку не знавала....

А личность Петра самого описываетъ хроникёръ вотъ какъ. Онъ говоритъ: „съ лица герцогъ необыкновенно блѣденъ, тѣлосложенія онъ крайне хилаго, все говоритъ за то, что Петръ слабой конституціи“. Длинные русые волосы чесалъ онъ по-испански, что было тогда въ модѣ, сильно пудрилъ ихъ и выглядывалъ уже старикомъ даже въ свои юношескіе годы. Врачи съ самаго начала должны были заняться молодымъ человѣкомъ и медикаментамъ, прописывавшимся для Петра, счету не было.

Съ этого же момента начинается нѣкоторое измѣненіе въ преподавательной методѣ. Главнымъ учителемъ принца назначенъ профессоръ Штелинъ, и преподаваніе ведется уже по исторіи, географіи, математикѣ, физикѣ, этикѣ и политикѣ. Кромѣ того будущій русскій царевичъ имѣлъ четыре раза въ недѣлю уроки русскаго языка, зубрилъ

догмы православной церкви, и когда Петръ съ послѣдними достаточно былъ ознакомленъ, его присоединили (въ ноябрѣ 1742 г.) къ церкви страны. Отнынѣ онъ носилъ имя Петра Феодоровича, величался императорскимъ высочествомъ и высочайшимъ манифестомъ былъ объявленъ наслѣдникомъ престола.

Итакъ, Елизавета Петровна могла спокойно глядѣть въ будущность. Ея опасенія за то, что, не имѣя оффиціальнаго наслѣдника, ея многочисленные любовники могли покуситься на русскій престолъ, были теперь разсѣяны и чтобы еще болѣе имѣть гарантіи въ обезпеченіи за собою короны, Елизавета стала подумывать о бракѣ о ту пору 15-ти лѣтняго Петра съ какой нибудь принцессой и этимъ самымъ дать святой Руси надежду на болѣе спокойное будущее.

Невѣста была нужна внимательная, и поэтому и приисканіе ея было вопросомъ крайне не легкимъ.

Спекулянты при дворѣ, какъ барышники, рвались, одинъ обгоняя другаго, за тѣмъ, чтобы „пристроить" свою даму, каждый доказывалъ важность рекомендуемой имъ партіи, каждый пытался урвать какъ можно больше выгодъ изъ своего „гешефта". Иностранные посланники совѣтывали царицѣ остановиться на ихъ „товарѣ" и поэтому въ народѣ то и дѣло всплывали то такія, то другія вѣсти, и сегодня поговаривали объ англійской, завтра о французской принцессѣ.

Елизавета-же имѣла особенную склонность къ тремъ принцессамъ, а именно къ Софіи-Цербстской, Маріи Саксонской и Амаліи-Прусской, но послѣднія обѣ сразу заявили, что онѣ уже по той одной причинѣ не могутъ согласиться на бракъ съ наслѣдникомъ, что не желаютъ мѣнять вѣры.

О ту же пору писалъ Фридрихъ Великій своему петербургскому уполномоченному: „насчетъ моихъ сестеръ извѣстно вамъ мое мнѣніе — я ни одной изъ нихъ не отдамъ въ Россію, и меня удивляетъ, почему госу-

дарыня не остается при ея выборѣ цербстской принцессы, которая принадлежитъ къ гольштейнскому роду, т. е. къ тому, который, какъ извѣстно, императрицей очень любимъ."

Но вотъ въ мартѣ 1743 г. пріѣзжаетъ въ сѣверную столицу принцъ Августъ Гольштейнскій и привозитъ портретъ своей племянницы, 14-ти лѣтней принцессы Софіи-Августы-Фридерики Ангальтъ-Цербстской. Выразительная и красивая физіономія дѣвушки императрицѣ импонируетъ, да и молодчикъ нашъ, великій князь Петръ Ѳеодоровичъ, смотритъ на эти черты съ видимымъ удовольствіемъ.

Къ тому же принцесса Софія имѣла еще и тѣ преимущества, что мать ея была урожденная гольштейнская княгиня и сестра герцога Людвига-Эрнста, за котораго Елизавета была посватана, но который умеръ въ день бракосочетанія. Это послѣднее напомнило ей ея несчастнаго жениха, вызвало старыя воспоминанія и говорило такимъ образомъ болѣе въ пользу выбора Софіи, чѣмъ прочихъ претенденток ъ.

Она остановилась на этомъ выборѣ и въ концѣ того же года приказала гофмаршалу великаго князя, знакомому уже намъ Брюммеру, просить въ гости въ Петербургъ княгиню цербстскую, а также и дочь ея и выслала имъ 10000 рублей дорожныхъ.

Далѣе напомнимъ при этомъ, что Фридриху Великому принадлежитъ несчастная для Россіи мысль рекомендовать эту принцессу въ жены наслѣднику, и когда Софія къ великому удивленію всей Европы появилась въ Петербургѣ, то было это такое-же нападеніе Фридриха на Россію, какое было незадолго до того на Австрію, у которой онъ отнялъ Силезію, только съ той развѣ разницей, что въ Силезію онъ посылалъ солдатъ, въ Россію же серебряные талеры, которыми и подкупилъ всѣхъ, начиная съ канцлера и кончая послѣднимъ лакеемъ и попомъ. И было для чего, вѣдь, какъ нынѣ уже достовѣрно извѣстно, Софія была его незаконной дочерью, прижитой имъ изъ связи съ женой

князя Христiана Августа Ангальтъ-Цербстскаго, а Фридрихъ всегда говорилъ: „я очень люблю дѣтей любви“ и заботился о нихъ, какъ мы видимъ, и въ данномъ случаѣ вполнѣ по отцовски, а не только по-царски. Такъ напр. по свидѣтельству историка Рульэра и нѣкоторыхъ другихъ, Фикхенъ (такъ называлась наша великая Екатерина въ своей семьѣ) все время молодости провела въ Берлинѣ, а первые годы зрѣлости даже при дворѣ Фридриха.

Итакъ презрѣнный металлъ оказалъ должное влiянiе, дорога для юной Фикхенъ была расчищена, — и Софiя-Фридерика въ Петербургѣ.

Въ началѣ 1744 года прибыла она съ своей матерью въ нашъ возлюбленный Петрополь, а такъ какъ дворъ всего лишь за двѣ недѣли до того переселился въ Москву, то и августѣйшiя гостьи покатили туда-же. Это было 9-го февраля, а на слѣдующiй день Петръ праздновалъ день своего рожденiя.

За три версты до города встрѣтилъ нашихъ высокихъ особъ Сиберсъ, любовникъ и камеръ-юнкеръ царицы, и нисколько увѣрялъ нашихъ дамъ, что и государыня и цесаревичъ съ нетерпѣнiемъ ждутъ дорогихъ гостей и считаютъ минуты и секунды, остающiяся до встрѣчи съ ними.

Наконецъ экипажи подкатили ко дворцу. Въ прихожей Ангальтскiя принцессы были привѣтствованы Бриммеромъ и Лестокомъ, чрезъ нѣсколько минутъ появился и Петръ и, разумѣется, отрекомендовался своей будущей belle-mère и невѣстѣ самымъ оффицiальнымъ образомъ, что вообще лежало въ его натурѣ.

Было уже довольно поздно, но тѣмъ не менѣе Елизавета просила прiѣзжихъ въ свои спальные аппартаменты, гдѣ долгое время продолжались объятiя, всевозможныя увѣренiя и обѣщанiя. Елизавета съ радости просто съ ума сходила: подаркамъ счету не было и, между прочимъ, вручила она прiѣзжей княгинѣ табакерку, усѣянную драгоцѣннѣйшими брилліантами, а также перстень и замѣтила при

этомъ, будучи тронута до глубины сердца, что такъ какъ ей небомъ не было суждено наслаждаться счастьемъ стать женой брата княгини, то она „бракосочетается теперь съ княгиней, сестрой его“, — какъ это передаетъ намъ австрійскій посланникъ.

Разумѣется и въ раздачѣ орденовъ щедрая царица не скупилась и сейчасъ-же по пріѣздѣ украсила оба груди гостей орденомъ св. Екатерины.

Все это произвело на Ангальтокъ такое впечатлѣніе, что онѣ просто находились въ чаду, о чемъ сообщала счастливая мать и своему возлюбленному супругу въ Ангальтъ и говорила при этомъ: „наши виды здѣсь какъ нельзя желать того лучше“, — но и Екатерина замѣтила въ своихъ мемуарахъ о тѣхъ днахъ: „Наслѣдникъ, кажется, очень доволенъ моимъ пріѣздомъ и ко мнѣ весьма предупредителенъ и внимателенъ“ — и правда, Петръ при всей своей неуклюжести съумѣлъ себя показать съ самой выгодной для него стороны. Вскорѣ завязалась между нашей молодой парой довольно воодушевленная бесѣда, дружеское обращеніе, а далѣе и построеніе плановъ относительно ближайшаго будущаго.

Но прошло не много времени, и пятнадцатилѣтняя дѣвушка прозрѣла, что ея 16-ти лѣтній наслѣдникъ-женихъ совершенный чудь, что она духовно куда воспитаннѣе и дальше его и что онъ въ сравненіи съ нею рѣшительно дитя еще. Однако тѣмъ не менѣе Екатерина не подумала о томъ, чтобы отступить назадъ и отказаться отъ Петра въ мужья: мысль стать со временемъ императрицей Россіи окончательно поглотила тщеславную принцессу, и ужъ этой золотой будущности было для нея достаточно для того, чтобы согласиться и на тѣ или другія непріятности, которыхъ нельзя было при этомъ миновать. Но дѣло чуть было не окончилось трагически для хищныхъ Цербстцевъ: Фикхенъ серьезно заболѣла и еле-еле спасли ее отъ суровой могилы, — и вотъ въ ознаменованіе этого счастья для всей Россіи, царица порѣшила немедленно по выз-

доровленіи будущей наслѣдницы обручить торжественнѣйшимъ образомъ влюбленную парочку, что и было 25-го іюня, въ день имянинъ жениха, приведено въ исполненіе. За день-же до того Софія-Фридерика была присоединена къ православной вѣрѣ, получивъ имя Екатерины Алексѣевны. Объ этомъ событіи разсказываютъ, что Екатерина съумѣла втеченіе какихъ нибудь двухъ часовъ завоевать сердца всѣхъ присутствовавшихъ при этой церемоніи. Во первыхъ красавица изъ себя, наряженная съ удивительнымъ вкусомъ, умѣніе держать себя, граціозное отданіе поклоновъ — все это вмигъ очаровало общество, и когда молодая дѣвушка, такое короткое время изучавшая нашъ родной языкъ, съ истинно русскимъ акцентомъ, безъ малѣйшей запинки и погрѣшности, произносила символъ вѣры — въ церкви царила мертвецкая тишина, всѣ взоры были устремлены на вновь помазаннаго члена православной семьи и всѣ сердца бились въ пользу его. Такъ описываетъ это торжество репортеръ одной изъ петербургскихъ газетъ, и мы не имѣемъ не малѣйшаго основанія не вѣрить его сообщеніямъ.

Обрученіе праздновалось всей Россіей и упомянемъ при этомъ, что Елизавета собственноручно надѣла кольца надлежащей четѣ, что эти кольца стоили ровно 50000 червонцевъ и что во время этого акта съ петербургской крѣпости безъ устали салютировали, а добродушные россіяне полагали, что-де сегодня заключается союзъ, отъ котораго зависитъ наше счастье.

Прошло нѣсколько недѣль, дворъ переселился въ Петербургъ, начались балы, а тутъ вдругъ захворалъ счастливый женихъ: у него оказалась серьезная оспа, отъ которой онъ лишь съ трудомъ оправился, и когда въ январѣ 1745 г. Екатерина увидѣла Петра въ первый разъ послѣ болѣзни, ее поразила его некрасивая наружность, и вотъ что занесла она въ свой дневникъ объ этой встрѣчѣ: „у него особенно грубыя черты изковерканнаго оспинами лица, волосы коротко острижены, и поэтому онъ носитъ парикъ, который

еще того больше придаетъ ему уродливый видъ. Онъ подошелъ ко мнѣ и спросилъ: узнаю ли я его? — на что я ему пробормотала какую то уже впередъ заученную любезность насчетъ его выздоровленія: въ дѣйствительности онъ сталъ мнѣ ужасно непріятенъ."

Изъ этой пары словъ уже видно, какъ Екатерина умѣла „кривить душой" и казаться иной, какъ на-дѣлѣ, но никто не подмѣчалъ въ ту пору, что Петръ ей былъ рѣшительно невыносимъ и благодаря своей уродливости даже противенъ.

Нѣжность невѣсты къ жениху, которую Елизавета считала за дѣйствительную, трогала ее, и она старалась вознаградить сострадательную и добросердечную великую княгиню всевозможными любезностями, подарками и пр., и чтобы молодой дѣвушкѣ не было такъ скучно, къ ней были приставлены гофърейлены и гофъ-дамы самаго веселаго нрава. И Екатерина веселилась не на шутку, она въ душѣ уже давно смотрѣла на полуидіота-жениха какъ только лишь на средство къ достиженію важныхъ цѣлей и поэтому и болѣзнь и уродливость его заботили Екатерину лишь до той степени, какъ бы Петръ только не умеръ до брака и какъ бы такимъ образомъ всѣ ея высокіе планы не окончились ничѣмъ.

Прошло нѣкоторое время, и отношеніе Петра къ Екатеринѣ стало далеко не таково, какъ бываетъ это между женихомъ и невѣстой. Онъ рѣшительно не дѣлалъ теперь ни одного шага для того, чтобы приблизить къ себѣ свою будущую жену, и вообще, если Петръ кѣмъ либо вовсе не интересовался, то, право, это Екатериной. Онъ игралъ по прежнему съ куклами, солдатами и пр., вѣшалъ мышей и крысъ со всѣми военными почестями и, какъ разсказываютъ его современники, нерѣдко приказывалъ даже поднимать полы въ комнатѣ, если ловкой мыши удавалось удрать съ царскаго стола, на которомъ былъ построенъ эшафотъ и на которомъ ее ожидала суровая смерть.

Что же касается предстоящей супружеской жизни, то Петръ изучалъ ее теоретически у своего камердинера Румбера. Последній же, ограниченный, узколобый варваръ, увѣрялъ Петра, что по закону жена не смѣетъ даже пикнуть въ присутствіи мужа, она не имѣетъ права вмѣшиваться въ дѣла супруга, и если замѣчаетъ онъ, что она раскрываетъ ротъ, то мужу надлежитъ заставить ее подобострастно молчать: мужъ глава дома и пр. въ этомъ родѣ.

Положеніе Екатерины было далеко не завидное, и дурачества жениха заставляли ее часто рыдать цѣлыя ночи напролетъ, да къ тому же и возлюбленная ея мамаша причиняла ей ни мало заботъ и хлопотъ. Познакомившись съ Иваномъ Бецкимъ, директоромъ Воспитательнаго Дома, мать Екатерины, о ту пору тридцати лѣтняя красивая женщина, забыла окончательно правила приличія и супружескіе обѣты и до того увлеклась этой мимолетной любовью, что пришлось прибѣгнуть даже къ помощи акушерки. Скандалъ на весь міръ!

Но и кромѣ любовныхъ шашней будущая теща Петра вела себя такъ непозволительно, что нужно было обуздать ее. Интриганка и сплетница самой большой руки, она весь императорскій дворъ поставила на голову, всѣхъ запутала въ свои дрязги и всѣхъ между собою перессорила. Ложь была ея излюбленнѣйшимъ орудіемъ, и мы полагаемъ достаточно привести лишь слѣдующій эпизодъ, чтобы вполнѣ охарактеризовать личность этой grande-dame.

Какъ при дворѣ, такъ и по городу поговаривали о безпутствахъ матери высоконареченной невѣсты царевича и вотъ, чтобы выгородить себя изъ этихъ толковъ и запутать дѣло такъ, чтобы никто не могъ въ немъ разобраться, цербстская княгиня давай замѣшивать какъ можно больше лицъ, тасуя ихъ какъ карты колоды и приписывая то это, то то дурное качество или дурной проступокъ, совершенный-то на дѣлѣ ею самою, сегодня одной, завтра другой придворной дамѣ. Горничныя и камеръюнгферы

помогали ей и снабжали ее для этой цѣли все новыми и новыми матеріалами, и низость этой женщины дошла наконецъ до того, что она даже стала обвинять свою собственную дочь Екатерину въ томъ, что она-де ночью, тайкомъ, забирается въ спальню наслѣдника и проводитъ съ нимъ время до разсвѣта.

Разумѣется, Екатерина потребовала отъ матери разъясненій, но послѣдняя въ отвѣтѣ ей отказала и прогнала ее даже изъ комнаты.

Да и самой государынѣ эта барыня давно уже стала „не по нутру“ и какъ-то выразилась она по этому поводу по отношенію къ англійскому посланнику въ томъ смыслѣ, что ей — царицѣ — желательно какъ можно скорѣе съиграть свадьбу и такимъ образомъ, вѣжливо и безъ обиды, по добру и здорову отдѣлаться отъ скандальной цербстской родственницы.

И вотъ начались приготовленія къ предстоявшему торжеству. Былъ даже изданъ особый церемоніалъ, предписывавшій каждому изъ принадлежавшихъ къ одному изъ первыхъ классовъ завести для присутствія при придворныхъ празднествахъ столько-то платьевъ, имѣть для присутствія въ парадномъ цугѣ такой-то экипажъ, съ такими-то лакеями и т. д. — и дѣло подвигалось благополучно къ концу. Въ концѣ Августа мѣсяца появились на улицахъ и площадяхъ Петербурга герольды и три дня сряду объявляли вѣрноподданнымъ ожидавшее ихъ высокое торжество бракосочетанія наслѣдника-цесаревича съ цербстской принцессой Фикхенъ, нареченной при св. мѵропомазаніи Екатериной Алексѣевной. 21-го Августа имѣло состояться это великое событіе въ Казанскомъ соборѣ.

Городъ принималъ праздничный видъ, все и вся наряжалось для участія въ предстоявшемъ торжествѣ, предъ дворцомъ былъ сооруженъ фонтанъ, выбрасывавшій вмѣсто воды вино, всюду строились столы для дароваго угощенія несостоятельныхъ и бѣдныхъ петербуржцевъ, гирлянды, арки съ вензелями, флаги, бюсты и пр. и пр.

придавали городу давно невиданный веселый и праздничный видъ. На Невѣ выстроились суда, и мушкетеры чистили до поту въ лицѣ пушки, которыя имѣли сопровождать салютами предстоявшую церемонію.

Наконецъ-то наступило 21-ое августа и въ часъ пополудни Екатерина стала женой царственнаго Квазимодо.

Напомнимъ при этомъ еще одно мѣсто изъ рѣчи придворнаго духовника: „въ союзѣ этой четы вижу я перстень Всевышняго“ —, а что это былъ за бракъ, мы впередъ забѣгать не станемъ и заключимъ эту главу замѣткой самой великой княгини Екатерины Алексѣевны, касающейся первыхъ дней ихъ супружества: „Мой возлюбленный мужъ мною вовсе не занимается, а проводитъ свое время съ лакеями, то экзерцируя ихъ въ своей комнатѣ, то играя съ солдатиками, или же мѣняетъ на дню по двадцати различныхъ мундировъ. Я зѣваю и не знаю куда дѣться со скуки“ (Mémoires, 47).

Образцовый бракъ.

И послѣ свадьбы Петръ оставался по прежнему ребенкомъ, который несмотря на свои 18 лѣтъ игралъ съ оловянными солдатиками и куклами и каждый день при этомъ напивался до безпамятства.

О любви или привязанности Петра къ Екатеринѣ и рѣчи быть не могло, и съ перваго же времени ихъ супружеской жизни они ничего общаго между собою не имѣли, а каждый шелъ своей собственной дорогой. Петръ обучалъ своихъ лакеевъ военнымъ артикуламъ по прусскому образцу, билъ своихъ собакъ или же полупьяный волочился за придворными дамами. Что же касается жены его, то, признаться, не для того она и въ Россію пришла, чтобы стать „счастливой супругой“, и если и были въ самомъ началѣ ея знакомства съ Петромъ минуты, гдѣ

она себя дѣйствительно считала влюбленной или заинтересованной Петромъ, то это уже было для нея нынѣ дѣломъ „давно минувшихъ дней". Замѣтя моральную и духовную слабость цесаревича, она сразу прозрѣла, что нужно здѣсь дѣйствовать, „что рано или поздно — какъ она выражается въ дневникѣ — я буду властительницею Россіи въ самомъ обширномъ значеніи этого слова", и что для достиженія этой власти ей было нужно присвоить себѣ права, не гнушаясь никакими средствами.

И она къ будущей роли стала серьезно готовиться, но не такъ-то легко ей было справляться со своей задачей: хитрая и подозрительная Елизавета рано „пронюхала" ея планы и стала за нею неустанно слѣдить, боясь того, какъ бы честолюбивая Цербстка не спихнула ее самое съ трона, какъ однажды Елизавета, несмотря на всю свою неправоту, свергла съ престола Ивана Антоновича и съ нимъ всю его браунштейгскую клику.

Окруженная полицейскими доносчиками и фискалами, Екатерина должна была отложить на нѣкоторое время свои намѣренія, и она углубилась въ чтеніе французскихъ энциклопедистовъ, почерпая изъ нихъ тѣ поверхностныя знанія, о которыхъ съ такимъ преувеличеніемъ повѣствуютъ намъ придворные исторіографы и подкупленные ею драгоцѣнными подарками и пр. Вольтеръ, Дидро и др.

Но молодая и горячая натура Екатерины не долго могла находить утѣшеніе въ книгахъ, и такъ какъ любезный супругъ ея по прежнему ее совершенно игнорировалъ и о супружескихъ обязанностяхъ вовсе не подумывалъ, Екатерина отыскала себѣ скоро болѣе реальное средство для провожденія времени. Еще будучи невѣстой, она успѣла высмотрѣть красиваго молодаго пажа своего жениха, Андрея Чернышева, который, какъ мы видимъ, вскорѣ послѣ свадьбы стоялъ уже въ самыхъ интимныхъ отношеніяхъ съ новобрачною. Но шпіоны царицы замѣтили эту связь и донесли о ней куда слѣдуетъ. Чернышева перевели въ одинъ изъ дальнихъ провинціальныхъ

момъ, Екатерина же получила какъ бы въ надзирательницы madame Шоглокову, кузину Елизаветы, славившуюся супружеской вѣрностью, 24-хъ лѣтнюю красивую женщину, народившую за восемь лѣтъ замужества шесть человѣкъ дѣтей. Эта, всевозможными добродѣтелями прославленная камеръ-дама, должна была наставлять молодую Екатерину и служить ей примѣромъ даже — вѣрите, читатель? — въ дѣторожденіи! . . . .

Вотъ уже исходилъ девятый мѣсяцъ замужества нашей вольтеріанки, а о видахъ на произведеніе на свѣтъ наслѣдника по прежнему нѣтъ-какъ-нѣтъ ни малѣйшихъ признаковъ, ни малѣйшей надежды, и вотъ и съ этой стороны M-me Шоглокова имѣла миссію „повліять“ должнымъ образомъ на цесаревну и научить ее „уму разуму“.

А чтобы читатель-скептикъ не усумнился въ правотѣ такой хитрой командировки, выроемъ изъ сенатскаго архива надлежащій документъ и сообщимъ его вкратцѣ: Великая княгиня, которую мы призвали быть достойной супругой нашего возлюбленнаго племянника великаго князя наслѣдника цесаревича Петра Ѳеодоровича осчастливлена этою нашею царскою щедротою только въ видахъ того, что ея высочество съумѣетъ повліять своимъ умомъ и высокими душевными качествами на его императорское высочество и привлечетъ тѣмъ къ себѣ сердце августѣйшаго супруга своего, дорогому намъ отечеству подаритъ православнаго наслѣдника, нашему-же императорскому дому достойнаго преемника. Но такъ какъ сіе возможно лишь въ томъ случаѣ, если бракъ ихъ высочествъ покоится на основахъ взаимной искренней любви и супружескаго согласія, и для этого ея высочеству необходимо проявлять полное подчиненіе характеру ея супруга, то и надѣемся мы, что великая княгиня сознаетъ, что отъ этого зависитъ ея же счастіе и благополучіе и, слѣдуя этому сознанію, проявитъ всевозможныя любезности и старанія для достиженія этой высокой цѣли. Вамъ-же (т. е. гжѣ Шоглоковой) повелѣваемъ мы изложить это наше желаніе ея им-

ператорскому высочеству и при каждомъ удобномъ случаѣ повторять его, наставляя великую княгиню въ любезности, любви, уваженіи и теплотѣ къ супругу, стараясь тѣмъ смягчить его характеръ и привязать его сердце къ княгинѣ. Холодъ и обиды должны быть избѣгаемы, и да будетъ каждый супругъ любимъ и счастливъ, и да исполнятся такимъ образомъ наши материнскія намѣренія и желанія всѣхъ нашихъ вѣрноподданныхъ. И т. д. (см. Бильбасовъ. истор. Екат. II, т. I, стр. 265).

Но несмотря и на этотъ указъ, отношенія молодыхъ супруговъ отнюдь не стали иными, и сколько „опытная" Шоглокова не старалась въ исполненіе воли Елизаветы, Петръ по прежнему избѣгалъ встрѣчи съ Екатериной tête-à-tête, и Россія по прежнему оставалась безъ желаннаго князя. А что Екатерина была вовсе не противъ принятія супружескихъ нѣжностей въ томъ смыслѣ, какъ того желала царица, видно изъ ея мемуаровъ, гдѣ она говоритъ: „s'il avait voulu être aimé, la chose n'aurait pas été difficile pour moi . . .", а также и изъ нѣкоторыхъ писемъ, гдѣ она положительно печалится о томъ, что живетъ въ бездѣтномъ бракѣ. Она была даже крайне склонна къ этимъ нѣжностямъ, и что она вмѣстѣ съ тѣмъ проявила въ этомъ отношеніи и не малыя способности, — извѣстно нынѣ всему міру.

Поведеніе Петра становилось съ каждымъ днемъ безобразнѣе, если и супруга его не могла хвастаться строгимъ цѣломудріемъ, то она по крайней мѣрѣ изъ чувства приличія къ мужу своему скрывала свои прорѣхи отъ его глазъ, тогда какъ Петръ прямо таки бравировалъ своими романическими шалостями. Онъ возгорѣлъ однажды особенной страстью къ княгинѣ Курляндской, Екатерина объ этомъ романѣ знала, но старалась скрыть отъ Петра чувство оскорбленности или обиды и ни однимъ словомъ даже не упомянула объ этомъ.

Петръ же, какъ видно изъ слѣдующаго, щеголялъ своими супружескими невѣрностями.

Однажды, поздно ночью, Екатерина уже спала, является супругъ ея въ ея спальню, пьянъ, какъ говорится, какъ стелька, веселъ и еле-стоя на ногахъ, будитъ Екатерину и — разсказываетъ ей о преимуществахъ и красотѣ его курляндки. Она, боясь ссоры, притворяется спящей, взбѣшенный Петръ бьетъ ее въ лицо кулаками и ругаетъ на чемъ только свѣтъ стоитъ.

Затѣмъ-же ложится въ самомъ веселомъ расположеніи духа спать . . . .

Петръ, какъ утверждаютъ почти что всѣ его историки, страдалъ половой импотенціей, но тѣмъ не менѣе онъ не отставалъ въ своей распущенности отъ прочихъ членовъ императорской семьи и отказывая въ сношеніяхъ съ женой, онъ волочился за придворными дамами и проводилъ зачастую ночи и съ простыми дѣвками.

Его первой любовью была упомянутая уже курляндская принцесса, но эта пассія въ немъ скоро смѣнилась любовью къ Шафировой, за нею послѣдовала мадемуазель Теплова а „наиглавнѣйшей" его страстью была Елизавета Романовна Воронцова, которую Екатерина называетъ въ своемъ діаріумѣ „фаворитсултаншей".

Но при этомъ не забудемъ неупомянутымъ и того, что, какъ за достовѣрный фактъ передаютъ де-ла-Маршъ, а также и братъ оговоренной Воронцовой, Екатерина сама пріискивала содержанокъ своему супругу и если она замѣчала, что эта или та ея конкурентка ужъ слишкомъ „задирала носъ" или позволяла себѣ властвовать надъ Петромъ, она, какъ по крайней мѣрѣ повѣствуютъ названныя лица, удаляла самовольницу и назначала на ея мѣсто новую. Въ послѣднее не такъ-то легко вѣрится, такъ какъ простому смертному такой родъ брачной жизни рѣшительно не понятенъ, но если взять опять таки во вниманіе то, на какія самыя скотскія и невѣроятныя низости была способна эта распущенная женщина, то можно повѣрить и этимъ сообщеніямъ.

Вкусъ же Петра былъ удивительный и какъ онъ во всемъ являлся дурковатымъ, такъ и въ выборѣ своихъ возлюбленныхъ. Его дамы сердца были постоянно самыя некрасивыя женщины, которыхъ только можно было выискать при дворѣ. Елизавета Воронцова, племянница любовника Елизаветы, положительно глаза колола своимъ уродствомъ и безобразіемъ, все лицо ея было исковеркано оспинками, толстая и малаго роста, лишенная ума и вообще всякихъ духовныхъ качествъ. И несмотря на всѣ эти недостатки она держала Петра подъ башмакомъ и оказывала на него громадное вліяніе. Онъ рѣшительно съума сходилъ отъ любви къ этой сударынѣ.

Екатерину оскорбляла духовная нищета ея супруга и, право, нечего удивляться тому, что она съ первыхъ дней замужества засматривалась на красивыхъ гвардейцевъ и затѣвала съ ними любовныя шашни. Такого идіота, какимъ былъ Петръ, она любить или уважать не могла и не мало наивенъ былъ тотъ, кто ожидалъ отъ этого брака другихъ результатовъ.

Въ одномъ изъ писемъ къ своей подругѣ писала великая княгиня:

„Нѣтъ ничего ужаснѣе, какъ быть женой мужа-ребенка. Я знаю это и принадлежу къ числу тѣхъ, которые придерживаются того мнѣнія, что если жены не любятъ своихъ мужей, то виноваты въ томъ послѣдніе; я любила-бы своего мужа внѣ всякаго сомнѣнія, если-бъ это только было возможно и еслибъ онъ только былъ настолько добръ и пожелалъ того“ — и въ одной изъ замѣтокъ ея, занесенныхъ въ дневникъ, читаемъ мы: „если кто либо насъ прямо таки вызываетъ на вражду и лишаетъ того, что для насъ необходимо и что намъ причитается, то онъ тѣмъ разрываетъ узы, связывающія насъ съ нимъ, и снимаетъ съ насъ этимъ обязанности, возложенныя на насъ этими узами.“

Послѣднія слова крайне характерны, и изъ нихъ видно прямо таки, что Екатерина, безпутничая еще при жизни

своего любезнаго мужа, держалась этого тезиса и оправдывала тѣмъ свое поведеніе.

Тутъ начались ея романы, и однимъ изъ ея первыхъ любовниковъ былъ Сергѣй Салтыковъ, каммергеръ ея мужа. „Онъ былъ красивъ, какъ день, — описываетъ его Екатерина, — и никто при дворѣ не могъ сравниться съ нимъ въ красотѣ.... Я сопротивлялась его искушеніямъ втеченіе всей весны и лѣта 1752 г.... О моемъ мужѣ при всѣхъ подобныхъ встрѣчахъ не было рѣчи... Въ одинъ изъ парадныхъ дней Императрица сказала г-жѣ Шогловой, что я оттого не имѣю дѣтей, что ѣзжу верхомъ на мужской манеръ. — Шоглокова на это отвѣтила: „дѣтей у нея нѣтъ совсѣмъ по другой причинѣ. Дѣти не могутъ явиться безъ причины на то...“

Физическій недостатокъ, о которомъ зналъ весь дворъ, лишалъ Петра возможности имѣть потомство и это послѣднее причиняло не мало головной боли Салтыкову, да и его возлюбленной. Они боялись будущаго и когда у Екатерины появились признаки беременности и, разумѣется, беременности отъ Салтыкова, то нужно было дѣло обставить такъ, чтобы Петръ ужъ не слишкомъ-то удивился тому, что имѣло появиться.

Куй желѣзо, пока оно горячо, говоритъ пословица, и Салтыковъ взялся за молотъ.

Во дворецъ вдругъ пригласили врачей и завалили ихъ вопросами объ устраненіи импотенціи наслѣдника; никогда прежде этимъ не занимались, а тутъ вдругъ спѣшка — и вотъ принялись за всевозможныя средства, порѣшили даже подвергнуть Петра хирургической операціи на подобіе той, какую исполнитъ вамъ любой раввинъ, лишь только съ той разницей, что вмѣсто раввина исполнителемъ ея былъ самъ Сергѣй Салтыковъ, который проявлялъ столь особенную заботливость о потомствѣ Петра. Врачи, разумѣется, втихомолку улыбались, но не менѣе того улыбались въ душѣ и виновники всего этого: Екатерина и ея Адонисъ. Наконецъ таки удалось уже Салтыкову

разувѣрить полуумнаго Петра въ его безплодности и — все, что имѣло теперь явиться на свѣтъ отъ его супруги, должно было бы принято такимъ образомъ на его счетъ. Однимъ словомъ, требовалось подготовить Петра съ честью и достоинствомъ носить тѣ рога, которые собрались наставить ему его дорогая супруга и ея возлюбленный, его вѣрный слуга Салтыковъ. Итакъ нашимъ хитрецамъ удалось обмануть матушку Россію и во главѣ ея ея августѣйшаго цесаревича. Когда же дѣло стало приближаться къ концу, т. е. къ разрѣшенію отъ бремени, Екатерина и Салтыковъ съумѣли склонить и канцлера Бестужева на свою сторону, на обязанности котораго лежало нынѣ подготовить императрицу Елизавету къ скорому рожденію давно желаннаго царскаго отпрыска, — что имъ и удалось безъ особеннаго труда. Канцлеръ-же выразился по этому поводу у Елизаветы на докладѣ, что „и государственная мудрость и опытность заставляютъ признать законность того дитяти“, котораго „благовѣрная“ великая княгиня въ скоромъ времени должна родить и далѣе: какъ княгиня, такъ и „замѣститель Петра“ заслуживаютъ скорѣе благодарность, нежели кару, такъ какъ они обезпечиваютъ монархіи въ грядущемъ строгій порядокъ въ престолонаслѣдіи, а это повлечетъ несомнѣнно ко внутреннему миру и благоденствію страны.

Елизавета, погрязшая въ грубыя чувственныя развлеченія, не вдаваясь въ разборъ этой удивительной морали канцлерскихъ взглядовъ, а 2-го сентября 1754 г. наша святая Русь праздновала съ большимъ торжествомъ рожденіе великаго князя Павла, родоначальника Салтыковской династіи.

Извѣстные мемуары Екатерины, которые 30 лѣтъ тому назадъ были опубликованы Александромъ Герценомъ и неподдѣльность коихъ до сихъ поръ никѣмъ еще не была оспариваема, весьма краснорѣчиво и неопровержимо свидѣтельствуютъ объ отношеніи Екатерины къ камергеру ея супруга. Эти же самые мемуары уничтожаютъ послѣдніе

слѣды сомнѣнія въ томъ, что императоръ Павелъ прямой сынъ Сергѣя Салтыкова; сама даже Екатерина не говоритъ того, что Павелъ сынъ ея супруга Петра, котораго какъ-никакъ, а на первое время съумѣли, однако, увѣрить въ этомъ. Еще до рожденія Павла, Екатерина была два раза зачата отъ Салтыкова, но оба раза беременность не выдерживалась до конца... Итакъ, она счастливая мать... Салтыкова же для отвода глазъ отправили въ Швецію, гдѣ онъ имѣлъ провозгласить рожденіе „своего“ сына, т. е. сына великаго князя Петра Ѳеодоровича. Этотъ же пьянствовалъ по прежнему и подъ вліяніемъ вина радовался также великому событію и цѣловалъ по очереди своихъ халуевъ, своихъ лакеевъ...

Время летѣло, отношенія Петра къ Екатеринѣ оставались, несмотря на всѣ старанія Шоглоковой все тѣми же, какъ то было и прежде. Елизавета стала прихварывать. На великаго князя обращали поэтому нынѣ больше вниманія, чѣмъ по сію пору; Шуваловы, Разумовскіе, Панины и мн. др. интриговали съ великой княгиней и безъ нея въ пользу Павла, даже въ пользу несчастнаго Іоанна — и всего больше, разумѣется, въ свою собственную пользу. Великаго князя не любили, онъ не былъ злой человѣкъ, но въ немъ было все то, что русская натура ненавидитъ въ нѣмцѣ — gaucherie, грубое простодушіе, вульгарный тонъ, педантизмъ и высокомѣрное самодовольство — доходившее до презрѣнія всего русскаго. Елизавета, бывшая сама вѣчно навеселѣ, не могла ему однако простить, что онъ всякій вечеръ былъ пьянъ; Разумовскій — что онъ хотѣлъ Гудовича сдѣлать Гетманомъ; Панинъ за его фельдфебельскія манеры; гвардія за то, что онъ ей предпочиталъ своихъ гольштинскихъ солдатъ; дамы за то, что онъ вмѣстѣ съ ними приглашалъ на свои пиры актрисъ, всякихъ нѣмокъ; духовенство ненавидѣло его за его явное презрѣніе къ восточной церкви.

Но и хорошъ былъ Петръ, нечего сказать, мы это сейчасъ увидимъ.

Родная сестра знаменитой Дашковой, Елизавета Романовна, была открытой любовницей великаго князя. Онъ думалъ, что Салтыковъ и Понятовскій, эти счастливые предшественники Орловыхъ, Васильчиковыхъ, Новосильцевыхъ, Потемкиныхъ, Ланскихъ, Ермоловыхъ, Корсаковыхъ, Зоричей, Завадовскихъ, Мамоновыхъ, Зубовыхъ и цѣлой шеренги плечистыхъ virorum obscurorum — дали ему право не слишкомъ скупиться на свое сердце и вовсе не скрывать своихъ предпочтеній.

Отношенія Петра къ его женѣ уже были давно таковы, что при первомъ представленіи Дашковой, онъ ей въ присутствіи Екатерины сказалъ: „позвольте надѣяться, что вы намъ подарите не меньше времени, чѣмъ великой княгинѣ".

Съ своей стороны порывистая Дашкова и не думала скрывать своего предпочтенія къ Екатеринѣ. Великій князь замѣтилъ это и спустя нѣсколько дней отвелъ разъ Дашкову въ сторону и сказалъ ей „съ простотой своей головы и съ добротой своего сердца" — какъ передаетъ Дашкова: — „Помните что безопаснѣе имѣть дѣло съ честными простаками, какъ ваша сестра и я, чѣмъ съ большими умами, которые выжмутъ изъ васъ сокъ до капли, а потомъ какъ апельсинную корку выбросятъ за окно". При этомъ онъ разумѣется намекалъ на отношенія Дашковой къ Екатеринѣ, предъ которой графиня решительно благоговѣла и которую обожала она, какъ пансіонерки обожаютъ своихъ старшихъ воспитанницъ.

На слова Петра замѣтила „безстрашная" графиня, что императрица настоятельно изъявила свое желаніе, чтобы всѣ оказывали одинаковымъ образомъ уваженіе какъ къ его высочеству, такъ равно и къ великой княгинѣ.

Петра Дашкова, несмотря на то, что онъ былъ ея крестнымъ отцомъ, ненавидѣла, но тѣмъ не менѣе ей было необходимо являться какъ и многимъ другимъ на его картежныя попойки. Характеръ всѣхъ этихъ праздниковъ былъ нѣмецко-казарменный, грубый и пьяный. Петръ,

окруженный своими голштинскими генералами (въ дѣйствительности, какъ передаютъ Дашкова и др. — капралами и сержантами прусской службы, дѣтьми нѣмецкихъ мастеровыхъ, которыхъ родители не знали куда дѣть за безпутство и отдали въ солдаты), не выпуская вонючей трубки изо рта, напивался иногда до того, что лакеи его выносили на рукахъ.

Какъ-то разъ за ужиномъ при великой княгинѣ и многочисленныхъ гостяхъ зашла рѣчь о сержантѣ гвардіи Челищевѣ и о предполагаемой связи, которую онъ имѣлъ съ графиней Гендриковой, племянницей императрицы, и великій князь, уже „здорово" опьянѣвшій, замѣтилъ, что Челищеву слѣдовало-бы отрубить голову для примѣра другимъ офицерамъ, чтобъ они не заводили шашней съ царскими родственницами. Голштинскіе сикофанты выражали всевозможными знаками свое одобреніе и сочувствіе. Дашкова же не могла выдержать, чтобъ не замѣтить, что ей кажется очень безчеловѣчнымъ казнить за такое неважное преступленіе.

— Вы еще ребенокъ, отвѣчалъ великій князь: ваши слова доказываютъ это лучше всего. Иначе вы бы знали, что скупиться на казни, значитъ поощрять неподчиненность.

— Ваше высочество, отвѣчала Дашкова: вы пугаете насъ нарочно: за исключеніемъ старыхъ генераловъ, мы всѣ, имѣющіе честь сидѣть за вашимъ столомъ, принадлежимъ къ поколѣнію, не видавшему смертной казни въ Россіи.

— Это ничего не значитъ — возразилъ Петръ — хорошъ за то былъ и порядокъ въ всемъ. Говорю вамъ, что вы еще дитя и ничего не смыслите въ этихъ дѣлахъ.

Всѣ до одного молчали, и когда графиня замѣтила великому князю, что она въ виду этого не можетъ не радоваться тому, что его тетушка еще здравствуетъ и занимаетъ престолъ, великій князь удивительно посмотрѣлъ на смѣлую молодую женщину и вмѣсто того, чтобы ей на это что нибудь сказать, онъ удовлетворился тѣмъ, что

высунулъ ей языкъ, — милая шутка, нечего сказать, и онъ часто употреблялъ ее вмѣсто отвѣта — и въ особенности будучи въ церкви.

Но вотъ насталъ декабрь мѣсяцъ, и слухи о серьезномъ состояніи здоровья императрицы проникали въ народъ все болѣе и болѣе, а въ концѣ мѣсяца (1761 г.) появились даже оффиціальные бюллетени, сообщавшіе о тяжкой болѣзни ея величества. Видя приближающуюся кончину Елизаветы и боясь быть оставленнымъ всѣми, неуклюжій Петръ Ѳеодоровичъ принялся угощать и ласкать офицеровъ и все это дѣлалъ съ чрезвычайной неловкостью. Орловы, Дашковы и др. — партія Екатерины — смотрѣли на приближавшійся переворотъ крайне серьезно, и если Екатерина и увѣрила свою подругу графиню Дашкову въ томъ, что у нея насчетъ ближайшаго будущаго нѣтъ никакого плана, что она отдается на Божію волю и на него одного полагаетъ свои надежды, то она говорила это, обманывая преданную ей Дашкову, такъ какъ судьбу свою поручила она далеко не одному только Богу, но и Григорію Орлову, съ которымъ вмѣстѣ она обдумывала свой планъ, и Орловъ въ тиши уже вербовалъ гвардейскихъ офицеровъ.

Въ Рождество Елизавета скончалась, благословляя своими грязными руками не менѣе того грязную парочку наслѣдниковъ на прародительскій престолъ. Не стало великодушной просвѣтительницы, великой монархини, о которой придворный исторіографъ говоритъ, „что она двадцать лѣтъ правила самымъ незначительнымъ образомъ, была постоянно до безчестія пьяна, проводила ночи и дни, отдаваясь исключительно однимъ только самымъ скотскимъ страстямъ, и сослала за это время до 80 000 человѣкъ въ Сибирь.“

Петербургъ мрачно принялъ вѣсть о кончинѣ царицы, и было дѣйствительно о чемъ горевать: вѣдь царемъ провозгласили полуидіота Петра!

Петръ III. и сдѣлавшись императоромъ, не хранилъ никакого декорума, и попойки продолжались по прежнему. А также и семейная жизнь его не приняла другой физіономіи, и даже близко стоявшіе къ новой государынѣ утверждаютъ, что они съ этой поры еще того меньше стали другъ друга понимать. Въ манифестѣ, опубликованномъ въ день восшествія на престолъ, объ Екатеринѣ не упоминается ни однимъ словомъ.

Аппартаменты августѣйшихъ супруговъ были расположены въ двухъ совершенно особо лежащихъ флигеляхъ дворца, и если Екатерина и являлась каждое утро въ рабочую комнату императора, то онъ не дарилъ ей рѣшительно никакого вниманія, и, обиженная, сконфуженная, удалялась она опять „на свою половину", и право стоитъ-ли тому удивляться, что она искала счастья помимо Петра, и разумѣется и нашла его у своихъ „какъ день прекрасныхъ" Салтыковыхъ, Орловыхъ, Понятовскихъ etcetera, etcetera .... Къ обѣденному столу Екатерина не являлась, и ея мѣсто было занято графиней Елизаветой Романовной Воронцовой, назначенной въ камерфрейлины государыни, но прислуживавшей въ дѣйствительности государю, возлѣ покоевъ коего и помѣщались ея комнаты и откуда она какъ вѣрный и преданный слуга и являлась по первому зову его величества, будь это ночью или днемъ.

Французскій посланникъ Breteuil писалъ въ январѣ 1762 года своему двору: „Въ день нашихъ поздравленій къ восшествію на престолъ, императрица выглядывала крайне огорченной и униженной, и нынѣ уже извѣстно, что она никакой роли въ правленіи играть не будетъ. Она ищетъ развлеченія въ философіи, но я не думаю, что характеръ ея позволитъ ей углубиться въ такія серьезныя работы. Вниманіе императора къ мадемуазель Воронцовой удвоено, и она произведена даже въ обергофмейстерины почетныхъ дамъ. Она живетъ при дворѣ и пользуется царскими щедротами безъ конца. Нужно сознаться, удивительный вкусъ! ..." Въ другомъ-же письмѣ

пишетъ тотъ-же повѣренный: „государыня находится въ крайне незавидномъ положеніи и пользуется удивительнымъ презрѣніемъ со стороны ея супруга. Она выноситъ поведеніе Петра, а также и надменность Воронцовой съ поразительнымъ терпѣніемъ. Я не могу себѣ представить того, что императрица, коей силу воли и энергію я такъ прекрасно знаю, не прибѣгнетъ рано или поздно къ самымъ крайнимъ мѣрамъ; она имѣетъ приверженцевъ и друзей, и стóитъ ей только того пожелать, и эти съ готовностью рискнутъ чѣмъ бы то ни было для нея. Она выигрываетъ въ глазахъ рѣшительно всѣхъ. Никто такъ не ревностенъ въ отданіи послѣднихъ почестей покойной царицѣ, какъ Екатерина. Съ удивительной строгостью соблюдаетъ она праздники, посты и др. — все то, на что въ Россіи обращается такое серьезное вниманіе, но чему Петръ не придаетъ рѣшительно никакого значенія. Однимъ словомъ: Екатерина ничего не пропускаетъ, чтобы только лишь импонировать другимъ и обращаетъ большое вниманіе на все то, что можетъ послужить средствомъ къ тому. Разумѣется самолюбіе при этомъ не послѣдній факторъ. — Далѣе, она и по сейчасъ не забываетъ угрозы Петра, сдѣланной имъ еще въ бытность его наслѣдникомъ, что-де онъ поступитъ съ нею такъ-же, какъ Петръ Великій съ своей женой: пострижетъ и упрячетъ ее . . . Она за всѣмъ слѣдитъ, и въ ней давно уже кипитъ вся внутренность и ждетъ только случая прорваться наружу. Здоровье государыни, разстроенное постоянными обидами и тоской, заставляетъ ожидать самыя печальныя послѣдствія.“ — Противоположность между Екатериной и Петромъ росла съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе, и Бретейль повѣствуетъ далѣе: „императрица при всемъ томъ сохранила характеръ и ясность ума и пользуется всюду настолько же уваженіемъ, насколько Петръ общимъ презрѣніемъ. Онъ оскорбляетъ ее на каждомъ шагу, Екатерина же отвѣчаетъ на его обиды повиновеніемъ и слезами. Народъ видитъ эти слезы и дѣлитъ съ нею вмѣстѣ ея боли.“

Англійскій посолъ, Кейтъ, того же мнѣнія на этотъ счетъ, и онъ говоритъ, что „съ императрицей въ государственныхъ дѣлахъ не совѣтуются вовсе и вообще видно изъ всего, что она рѣшительно не пользуется при дворѣ никакимъ вниманіемъ“.

При парадныхъ пріемахъ, обѣдахъ и т. п. ея вовсе не видать и, какъ сообщаетъ Мерси, чтобы не быть свидѣтельницей безграничнаго безпорядка и самыхъ непозволительныхъ сценъ, присущихъ этимъ торжествамъ, „Екатерина запирается въ своихъ покояхъ и проводитъ цѣлые вечера и ночи въ самыхъ горячихъ слезахъ“.

Послѣдними словами добродушный французъ нашей матушкѣ-царицѣ ужъ слишкомъ услужилъ, она дѣйствительно о ту пору не мало рыдала и страдала нервами, но о причинѣ этихъ слезъ разсказалъ бы намъ лейбъ-акушеръ ея величества совсѣмъ иное: она была беременна отъ Орлова (графомъ Бобринскимъ!). Да къ тому же если она и держалась въ сторонѣ отъ петровскихъ попоекъ и скандальныхъ пиршествъ, то и это происходило не изъ чувства особаго приличія, съ которымъ она давнымъ давно порвала всякія связи, а просто сидѣла въ заперти и въ тиши пировала и безобразничала, быть можетъ куда неприличнѣе еще Петра и его гостей, со своими любовниками: тамъ Петръ съ Воронцовой, здѣсь же Екатерина съ своими широкоплечими virorum obscurorum....

Далѣе напомнимъ еще, что Петръ воспретилъ придворному ювелиру Паузье отпускать бриліанты царицѣ, хотя, какъ передаетъ этотъ Паузье, Екатерина и не имѣла почти что никакихъ драгоцѣнныхъ камней или золотыхъ вещей, такъ что любая купчиха или придворная дама могла куда богаче нарядиться и украсить себя, чѣмъ самодержица всея Россіи.

Садовнику былъ данъ приказъ не давать государынѣ тѣхъ фруктъ, которымъ она отдаетъ особое предпочтеніе. Съ гофдамами Петръ обращался настолько безтактно и внушалъ имъ такія инструкціи, что ихъ отношенія къ

Екатеринѣ стали далеко не таковыми, какъ это должно быть по положенію. Почетомъ какъ къ монархинѣ, она давно уже вовсе не пользовалась!

Графъ Горитъ, шведскій уполномоченный, разсказываетъ въ своихъ запискахъ, что на одномъ изъ торжественныхъ пріемовъ, когда зало было переполнено всевозможными сановниками, генералами и пр., удостоился онъ чести бесѣдовать съ государыней, какъ вдругъ подходитъ къ нему Петръ и уводитъ его на совершенно другой конецъ комнаты, прервавъ такимъ образомъ разговоръ и заставляя одураченную царицу покраснѣть со стыда ... Да таковъ былъ этотъ юродивый правитель, но и это еще не все, что о немъ сохранила для насъ заботливая исторія ....

Какъ-то Петръ неожиданно заѣхалъ къ старику Дашкову и изъявилъ при этомъ свое неудовольствіе въ томъ, что не видитъ графиню Дашкову, позднѣйшаго президента Академіи Наукъ, при дворѣ. Нечего было дѣлать, Дашкова при первомъ случаѣ хотѣла поправить свой промахъ и отправилась. Петръ, понизивъ голосъ, сталъ ей говорить и томъ, что она, наконецъ, навлечетъ на себя его негодованіе и можетъ потомъ очень горько раскаяться въ томъ, „потому что легко можетъ придти время, къ которое Романовна (такъ называлъ онъ свою любовницу) будетъ на мѣстѣ той.“

Дашкова сдѣлала видъ, что не понимаетъ, о чемъ государь говоритъ, и торопилась занять свое мѣсто въ любимой игрѣ Петра. Въ этой игрѣ (campis. какъ она называлась) каждый играющій имѣетъ нѣсколько марокъ, у кого остается послѣдняя, тотъ выигрываетъ. Въ кассу каждый клалъ десять имперіаловъ, что по тогдашнимъ доходамъ Дашковой составляло не малую сумму, особенно потому, что когда проигрывалъ Петръ, онъ вынималъ новую марку изъ кармана и клалъ ее въ кулю, — такъ что онъ почти каждый разъ выигрывалъ. Какъ только игра кончилась, государь предложилъ другую. Дашкова отказалась; онъ пристаетъ къ ней до того, чтобъ она

дальше играла, что пользуясь „правами избалованнаго ребенка“, она сказала ему, что она недостаточно богата, чтобъ проигрывать наверное, что еслибъ его величество игралъ какъ другие, то по крайней мѣрѣ были бы шансы выигрыша. Петръ отвѣчалъ своими „привычными буффонствами“, и Дашкова откланялась.

Когда она проходила рядомъ залъ, наполненныхъ придворными и разными чинами, она подумала, что попала въ маскарадъ: никого нельзя было узнать. Дашкова не могла видѣть безъ смѣха семидесятилѣтняго князя Трубецкаго, одѣтаго въ первый разъ отроду въ военный мундиръ, затянутаго, въ сапогахъ со шпорами, словомъ, совсѣмъ готоваго на самый отчаянный бой. „Этотъ жалкій старичишка, прибавляетъ она, представлявшійся больнымъ и страждущимъ, какъ это дѣлаютъ нищіе, пролежалъ въ постели, пока Елизавета умерла; ему стало лучше по провозглашеніи Петра царемъ: узнавши, что „все обошлось хорошо“, онъ тотчасъ вскочилъ, вооружился съ ногъ до головы и явился въ полкъ, по которому числился“. И такихъ шутовъ было тогда не мало!

Кстати о мундирахъ, этой пагубной страсти, которая перешла отъ Петра къ Павлу, отъ Павла къ всѣмъ его дѣтямъ, ко всѣмъ генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ; Панинъ, завѣдывавшій воспитаніемъ Павла, сттоьалъ на то, что Петръ ни разу не присутствовалъ при его испытаніяхъ. Гольштинскіе принцы, его дяди, уговорили его наконецъ: онъ остался очень доволенъ и произвелъ Панина въ генералы отъ инфантеріи. — Чтобъ понять всю нелѣпость этого, надобно себѣ представить блѣдную, болѣзненную фигуру Панина, любившаго чопорно одѣваться, тщательно чесавшагося и напоминавшаго собою царедворцевъ Людовика XIV-го. Панинъ ненавидѣлъ капральскій тонъ Петра III-го, мундиры и весь этотъ вздоръ. Когда Мельгуновъ привезъ ему радостную вѣсть о производствѣ въ генералы, Панинъ хотѣлъ лучше бѣжать въ Швецію на житье, чѣмъ надѣть мундиръ. Это дошло до ушей Петра;

онъ переименовалъ его въ соответствующій статскій чинъ, но не могъ довольно надивиться этому странному въ его глазахъ человѣку. — „А я право всегда считалъ Панина умнымъ человѣкомъ", говоритъ нашъ царственный скоморохъ.

Пока Петръ рядилъ въ героевъ своихъ приворныхъ, шли обычныя церемоніи похоронъ Елизаветы. Императрица не выходила изъ своихъ комнатъ и являлась только на панихиды. Изрѣдка приходилъ и Петръ въ церковь и всегда держалъ себя неприлично, шептался съ дамами, хохоталъ съ адъютантами, насмѣхался надъ духовенствомъ, бранилъ офицеровъ и даже рядовыхъ за какія нибудь пуговицы.

„Неосторожно, говорилъ англійскій посолъ князю Голицыну, начинаетъ новый императоръ свое царствованіе, этимъ путемъ онъ дойдетъ до народнаго презрѣнія, а потомъ и до ненависти."

И правда, Петръ какъ будто нарочно дѣлалъ все, чтобъ возбудить эту ненависть. Разъ вечеромъ императоръ разглагольствовалъ по обыкновенію о своемъ поклоненіи Фридриху II и вдругъ, обращаясь къ статсъ-секретарю Волкову, который состоялъ при Елизаветѣ главнымъ секретаремъ Верховнаго Совѣта, спрашиваетъ его, помнитъ ли онъ, какъ они хохотали надъ постоянной неудачей тайныхъ повелѣній, посылавшихся въ дѣйствующую армію! Волковъ, заодно съ великимъ княземъ сообщавшій прусскому королю Фридриху II-му всѣ военныя распоряженія и такимъ образомъ уничтожавшій ихъ дѣйствіе, до того растерялся отъ словъ Петра, что чуть не упалъ въ обморокъ. Но императоръ продолжалъ шуточнымъ тономъ разсказывать, какъ они во время войны предавали непріятелю страну, въ которой онъ былъ наслѣдникомъ.

При заключеніи мира съ пруссакомъ, въ которомъ Петръ постыдно уступилъ все купленное русской кровью, — не было мѣры радости и ликованью. Праздникъ слѣдовалъ за праздникомъ. Между прочимъ Петръ далъ большой

обѣдъ, на который были приглашены всѣ послы и три первые класса. Послѣ обѣда государь предложилъ три тоста, которые пили при пушечной пальбѣ — за здоровье императорской фамиліи, за здоровье прусскаго короля и за продолженіе заключеннаго мира.

Когда императрица пила тостъ за царскую фамилію, — Петръ послалъ своего адъютанта Гудовича, который стоялъ возлѣ его стула, спросить ее, зачѣмъ она не встала при этомъ. Екатерина отвѣчала, что такъ какъ императорская фамилія состоитъ только изъ ея супруга, ея сына и ея самой, то она не думала, чтобъ его величеству было угодно, чтобы она встала. Когда Гудовичъ передалъ ея отвѣтъ, императоръ велѣлъ ему возвратиться и сказать императрицѣ, что она „дура" и должна знать, что его дяди, голштинскіе принцы, принадлежатъ также къ императорской фамиліи. Этого мало, боясь, что Гудовичъ смягчитъ грубое выраженіе, онъ самъ повторилъ сказанное имъ слово черезъ столъ, такъ что бóльшая часть гостей это слышала. Екатерина на первую минуту не могла удержаться и залилась слезами, но желая какъ можно скорѣе окончить эту исторію, она обратилась къ камергеру Строгонову, стоявшему за ея стуломъ, и просила его начать какой нибудь разговоръ. Строгоновъ, самъ глубоко потрясенный происшедшимъ, началъ съ притворно веселымъ видомъ что-то болтать. Выходя изъ дворца, онъ получилъ за это приказаніе ѣхать въ свою деревню и не оставлять ее безъ особаго разрѣшенія.

Происшествіе это необыкновенно повредило Петру; всѣ жалѣли несчастную женщину, грубо оскорбленную пьянымъ капраломъ. Этимъ расположеніемъ естественно должна была воспользоваться Дашкова.

Она становится заговорщикомъ, вербуетъ, уговариваетъ, зондируетъ и при томъ ѣздитъ на балы, танцуетъ и пр., чтобъ не подавать подозрѣнія. Она окружаетъ себя офицерами, которые ввѣряются вполнѣ своему восемнадцатилѣтнему шефу въ юбкѣ.

Около Петра были и другіе недовольные, но заговорщиками они не были и по лѣтамъ, и по положенію; они были рады воспользоваться перемѣной, но дѣлать ее, подвергая голову плахѣ, было трудно для какого нибудь Разумовскаго или Панина.

Настоящими же заговорщиками были Дашкова со своими офицерами и Орловъ съ своими приверженцами.

Разумовскій былъ слишкомъ апатиченъ, Панина-же цѣль состояла въ томъ, чтобъ провозгласить Павла царемъ, а Екатерину правительницей, причемъ онъ имѣлъ также въ виду и ограниченіе самодержавной власти чрезъ Сенатъ.

Заговоръ противъ Петра.

Ропотъ и неудовольствіе солдатъ росли все больше и больше. Позорный миръ съ одной стороны и безумная война съ Даніей, которую Петръ хотѣлъ во что бы то ни стало начать изъ за возлюбленной его сторонушки Гольштиніи, безъ всякой серьезной причины, раздражали умы, и странно: война эта сдѣлалось у него пунктомъ помѣшательства; даже самъ Фридрихъ, вовсе не дружившій съ Даніей, письменно уговаривалъ безумца отложить ее.

Партія заговорщиковъ работала неустанно, и говорятъ, что молодая предводительница ея, неустрашимая графиня Дашкова, убѣдила даже упорнаго Панина дѣйствовать съ ней за одно, что стоило ей не мало краснорѣчія. Панинъ въ концѣ концовъ до того увлекся ея умомъ, ея энергіей и главнымъ образомъ ея красотой, что на старости лѣтъ даже съумѣлъ страстно влюбиться въ нее. Дашкова со смѣхомъ отвергала его любовь и предложенія, но не находя другихъ средствъ сладить съ нимъ, она рѣшилась склонить его собою! Послѣ этого Панинъ былъ въ ея рукахъ. Правда ли это или нѣтъ, трудно

сказать, но мы ради справедливости замѣтимъ, что графиня въ двухъ мѣстахъ своихъ записокъ съ негодованіемъ опровергаетъ этотъ слухъ, и Дидро упоминаетъ, разсказывая о Дашковой, что она объ этомъ говорила постоянно съ величайшимъ озлобленіемъ.

Но несмотря на то, что заговорщики могли разсчитывать на Разумовскаго и на Панина и сверхъ того на такое вліятельное лицо, какъ новгородскій архіепископъ, несмотря на то, что множество крайне дѣльныхъ офицеровъ было завербовано, опредѣленнаго плана дѣйствія у нихъ не было. Связанные общей цѣлью, они не могли согласиться въ образѣ дѣйствія. Дашкова, съѣдаемая жгучей дѣятельностью, сердилась на товарищей за ихъ медленность, то и дѣло торопила Екатерину приступить къ дѣлу и обращалась съ такими проэктами и требованіями къ послѣдней, что Екатерина рѣшительно получила о ней мнѣніе, что у нея горячка. Но на дѣлѣ-то бѣшая горячка была собственно не у Дашковой, а у нашего возлюбленнаго монарха. Съ каждымъ днемъ шелъ онъ все быстрѣе и быстрѣе подъ гору: одна глупость смѣняется другой, одна безобразная пошлость — другой, вдвое того безобразнѣйшей.

Пророчество посланника Кейтса сбывалось: общественное мнѣніе переходило отъ презрѣнія къ положительной ненависти.

Австрійское гоненіе греческой церкви въ Сербіи заставило многихъ Сербовъ прибѣгнуть къ императрицѣ Елизаветѣ съ просьбою отвести имъ земли на югѣ Россіи. Елизавета сверхъ земель велѣла имъ отпустить значительную сумму денегъ на подъемъ и переселеніе. Одинъ изъ сербскихъ повѣренныхъ-хорватъ, хитрый интриганъ завладѣлъ землей и деньгами и вмѣсто исполненія условій, на которыхъ была дана земля, сталъ распоряжаться переселенцами какъ своими крестьянами. Сербы принесли жалобу царицѣ, и она велѣла разобрать это дѣло; но прежде нежели оно было доведено до конца, она умерла.

Хорватъ, узнавъ о смерти Елизаветы, явился въ Петербургъ и началъ съ того, что далъ по двѣ тысячи червонныхъ тремъ лицамъ, приближеннымъ къ Петру III: Л. Нарышкину, который былъ чѣмъ-то вродѣ придворнаго шута, генералу Мельгунову и Глѣбову, генералъ-прокурору.

Два послѣднихъ при первомъ же удобномъ случаѣ разсказали Петру о взяткѣ. Петръ былъ очень доволенъ ихъ откровенностью, расхвалилъ ихъ и прибавилъ, что если они дадутъ ему половину, то онъ самъ пойдетъ въ сенатъ и велитъ рѣшить дѣло въ пользу Хорвата. Они, разумѣется, подѣлились, а царь сдержалъ слово, и за двѣ тысячи червонныхъ потерялъ сотни тысячъ новыхъ переселенцевъ; видя, что ихъ товарищи обмануты правительствомъ, они не рискнули переселяться.

По окончаніи же этого дѣла, Петръ услышалъ о томъ, что Нарышкинъ скрылъ отъ него свою взятку, и чтобъ наказать его за такой недостатокъ дружескаго довѣрія, отнялъ у него всю сумму и потомъ долгое время спустя поддразнивалъ Нарышкина, спрашивая его „что онъ дѣлаетъ съ Хорватскими червонцами?"

А то вотъ и еще интересная страничка для характеристики царя-скомороха:

Разъ послѣ парада императоръ, очень довольный Измайловскимъ полкомъ, возвращался съ Разумовскимъ домой. Вдругъ слышитъ онъ издалека шумъ: его любимецъ арапъ дрался съ профосомъ*). Сначала это зрѣлище понравилось Петру, но вдругъ сдѣлалъ онъ серьезное лицо и обратился самымъ офиціальнымъ образомъ къ окружавшимъ его: „Нарцисъ — такъ звали арапа — не существуетъ больше для насъ."

Разумовскій, который ничего не могъ понять, спросилъ, что могло такъ вдругъ опечалить его величество. „Развѣ вы не видите, вскричалъ царь, какъ фурія, что я

*) Лицо, на обязанности коего лежало очищеніе ретирадъ, надзоръ за арестантами и пр.

не могу больше держать при себѣ человѣка, дравшагося съ профосомъ. Онъ обезчестенъ — навсегда обезчестенъ.“ Фельдмаршалъ, показывая видъ, что вполнѣ раздѣляетъ мнѣніе и глубокія соображенія своего монарха, въ душѣ же смѣясь надъ идіотомъ, замѣтилъ, что честь Нарциса можно еще возстановить, проведя его подъ знаменами полка. Мысль эта пришлась Петру какъ нельзя больше по сердцу и привела его въ несказанный восторгъ: онъ сейчасъ же велѣлъ призвать негра и приказалъ ему пройдти подъ знаменами. Но это, однако, показалось Петру недостаточнымъ, и онъ повелѣлъ далѣе оцарапать Нарциса пикой знамени, чтобы онъ такимъ образомъ своею кровью могъ смыть нанесенную ему страшную обиду. Разумѣется бѣдный арапъ чуть было не умеръ отъ страха, генералы и офицеры, присутствовавшіе при этомъ „высокоторжественномъ актѣ“, въ сущности дурацкой комедіи, едва, едва могли удержаться отъ негодованія и смѣха. Но Петръ совершилъ съ величайшей серьезностью весь обрядъ очищенія Нарциса и возстановилъ, такимъ образомъ, поруганную честь своего любимца.

И этотъ шутъ царствовалъ? спрашиваетъ А. И. Герценъ. — Да, но за то къ счастью не долго!

Вліяніе возлюбленной Петра росло все больше и больше, и ея наглость рѣшительно не знала никакихъ границъ, и предъ нею дрожали не только лица, принадлежавшія къ русскому двору, — нѣтъ, даже заграничные дворы заискивали предъ нею и старались угодить такъ или иначе „будущей“ императрицѣ, такъ какъ Петръ, нисколько не стѣсняясь, говорилъ совершенно открыто „скоро и легко можетъ прійти время, въ которое Романовна будетъ на мѣстѣ той“, т. е. Екатерины.

Такъ напр. прусскій посланникъ Гольце писалъ своему королю, что было бы очень въ интересахъ его величества, еслибъ король подарилъ графинѣ Воронцовой букетъ изъ бриллiантовъ, en forme d'espalier. На что Фридрихъ Великій отвѣтилъ ему: „Où, diable, voulez-

vous que je prenne des bouquets de diamans, grands comme des espaliers; ne savez-vous que mon pays est ruiné!“

Но всетаки нужно отдать справедливость, что несколько Воронцова и имѣла вліяніе на петербургскій и иностранные дворы, она не играла той роли, какую играли любовники царицъ, къ тому же и денегъ она такихъ не стоила, какъ напримѣръ возлюбленные Елизаветы, Анны и Екатеринъ. Елизавета Романовна была въ этомъ отношеніи скромнѣе, и если она получила, въ сущности, довольно незначительное имѣніе или подарки, заключавшіеся въ бриллiантахъ, золотѣ и серебрѣ, то замѣтимъ, что по свергеніи Петра Екатерина отобрала у своей конкурентки все до послѣдней безделушки, и вліятельная Романовна nolens-volens должна была по смерти своего возлюбленнаго искать тихой пристани, которую и нашла, ставъ женой крайне незначительнаго и невзрачнаго бригадира Полянскаго.

Но Петръ увлекался не только одной Романовной, онъ не рѣдко разрѣшалъ себѣ и кое-какія отступленія по части любви и кутилъ и развратничалъ и съ другими придворными и уличными дамами. Его вечера, какъ уже замѣчено выше, носили самый безобразный характеръ. Пьянство царило повальное, и даже лакеи, свыкшіеся съ этой обстановкой, съ отвращеніемъ разсказывали о своемъ господинѣ, бившемъ и ласкавшемъ ихъ, плевавшемъ имъ въ лицо, но за то и цѣловавшемъ ихъ за это. Женщины сидѣли съ папиросами или сигарами во рту или лежали пьяныя подъ столомъ, нисколько не стѣсняясь тѣмъ, въ какой позѣ. Тутъ были свѣтлѣйшія княгини, графини и баронессы, и тутъ же сидѣли и самыя послѣднія проститутки; танцовщицы, компрометировавшія предъ честной компаніей, стояли у его императорскаго величества за особенно хорошемъ счету и пользовались потому всевозможной высочайшей милостью. — вѣдь, признаться, и было за что! . . .

Как-то одна изъ придворныхъ дамъ сочла себя за такой безпорядокъ въ претензіи и заявила это монарху. Петръ-же, на глазахъ всего общества ущипнувъ ее самымъ непозволительнымъ образомъ, отвѣтилъ ей улыбаясь: „сударыня, между женщинами рангъ не соблюдается, — женщины всѣ равны“.

Онъ кутилъ, а неудовольствіе принимало все большіе и большіе размѣры, и оппозиціонная партія съ каждымъ днемъ росла и крѣпла. У Петра друзей было не много, но все-таки среди военщины были люди, которые ни за что не согласились бы продать своего царя. Многіе осуждали Петра за его дурацкое и пошлое поведеніе, онъ-же оправдывался въ послѣднемъ тѣмъ, что его терпѣніе лопнуло, что жена его разстраиваетъ ему публично дѣла, что единственное спасеніе для него въ забавахъ и что поэтому и имѣетъ онъ такое общество, которое въ состояніи дать ему это душевное спокойствіе. Само собою, наши симпатіи далеко не на сторонѣ этого жалкаго кретина, но еще того менѣе онѣ на сторонѣ его супруги.

Разумѣется, Петръ имѣлъ не мало „грѣховъ“ на душѣ, уже по одному тому, что каждый при дворѣ въ ту пору волей-неволей подчинялся общему духу „легкости нравовъ“, — но въ сравненіи съ тѣми „классическими качествами въ половой сферѣ“, коими отличалась Екатерина и ея „пріятели“, право, Петръ являлся ангеломъ скромности и невинности, и всякій, въ комъ не забито чувство справедливости, долженъ стать на сторону Петра, и только продажное низкопоклонничество и холуйство нѣмецкихъ профессоровъ (Брюкнеръ) способно расхваливать Екатерину и „сподвижника“ ея Орлова, превознося ея государственную мудрость и материнскую заботливость о народѣ. Шарлатаны и плуты постоянно стараются доказать, что пускаясь на свои продѣлки, они молъ руководствовались такими-то высокими цѣлями, молъ на пользу родины, на благо народа и пр. — такъ и Екатерина. А кто столь безжалостно и жестоко грабилъ народъ, какъ не жена

Петра III-го, которая высасывала изъ и безъ того уже обнищавшаго русскаго мужика и мѣщанина цѣлые милліоны для удовлетворенія расточительности своихъ безсчетныхъ любовниковъ? И когда этотъ народъ подалъ шепотомъ голосъ протеста, чѣмъ заглушила она его? Потоками крови, невинной крови заставила она безпомощнаго и забитаго мужика заплатить за эту, молъ, неслыханную дерзость!... И кто виноватъ въ томъ, что этотъ кругомъ обкраденный и всякихъ человѣческихъ правъ лишенный народъ наконецъ терялъ всякое терпѣніе и возставалъ противъ своихъ притѣснителей? Разумѣется, всего менѣе несчастный Петръ, хотя всѣ эти неистовства и грабежи и совершалъ злодѣй Орловъ подъ прикрытіемъ имени Петра III-го!

Нѣтъ, Петръ могъ нанести губительный ударъ „екатериновщинѣ", но онъ, какъ говорится, спалъ, и вмѣсто того, чтобы созвать своихъ приверженцевъ и стать лицомъ къ лицу со своимъ врагомъ, онъ мѣшкалъ, возился со своей Романовной, катался по волнамъ Финскаго залива и заливалъ предупрежденія преданныхъ ему голштинскихъ генераловъ виномъ да водкой.

Заговорщики рисовали планы, и кровавый замыселъ былъ уже [illegible] дѣломъ. Петръ узналъ о немъ еще въ маѣ 1762 г. и отдалъ уже приказъ арестовать Екатерину, причемъ онъ намѣревался развестись съ нею и обвѣнчаться съ неразлучной Романовной, — но по своей безхарактерности онъ скоро отмѣнилъ это распоряженіе и тѣмъ самымъ собственноручно ускорилъ свою погибель. Капитанъ Пассекъ долженъ былъ исполнить кровавое дѣло въ Ораніенбаумѣ, гдѣ жилъ Петръ, но наканунѣ въ пьяномъ видѣ проболтался и былъ выданъ своимъ же сослуживцемъ. Царь приказалъ его арестовать, но вмѣсто того, чтобы немедленно искать свѣдѣнія по такому важному дѣлу, Петръ и тутъ мѣшкалъ и отложилъ это до осени.

Начало конца.

Вечеромъ 27-го іюня Григорій Орловъ пришелъ къ Дашковой сообщить ей, что Пассекъ, одинъ изъ самыхъ отважныхъ заговорщиковъ, арестованъ. У нея засталъ онъ Панина; терять времени или откладывать было теперь нечего, нужно было приступить къ дѣлу. Одинъ дипломатическій, медленный и осторожный Панинъ совѣтовалъ ждать завтрашній день, да узнать прежде, какъ и за что заарестовали Пассека. Орлову и Дашковой это было не по сердцу. Первый рѣшился разобрать эти свѣдѣнія. Дашкова-же просила Панина оставить ее, ссылаясь на чрезвычайную усталость. Панинъ уѣхалъ. Дашкова-же набросила на себя сюртукъ мужа, и вышла и пѣшкомъ отправилась къ товарищу по заговору, Рославлеву, разузнать, въ чемъ дѣло.

Недалеко отъ дома, она встрѣтила всадника, скакавшаго во весь опоръ. Дашкова несмотря на то, что никогда не видала братьевъ Григорія Орлова, догадалась, что это непремѣнно одинъ изъ нихъ. Поровнявшись съ нимъ, она назвала его по имени, и дѣйствительно это былъ Орловъ. Онъ остановилъ свою лошадь, Дашкова назвала ему себя.

— Я къ вамъ, сказалъ онъ: Пассекъ схваченъ какъ государственный преступникъ, четыре часовыхъ у дверей и два у оконъ. Братъ пошелъ къ Панину съ предупрежденіемъ, а я былъ у Рославлева.

— Что, онъ небось очень встревоженъ?

— Да, отвѣчалъ Орловъ.

— Дайте знать немедля Рославлеву, Ласунскому, Черткову и Бредихину, чтобъ они собирались сейчасъ въ Измайловскій полкъ и готовились бы принять тамъ императрицу. Потомъ скажите, что я совѣтую вашему брату или вамъ какъ можно скорѣе ѣхать въ Петергофъ за государыней; скажите ей, что карета уже мною при-

готовлена и что я умоляю ее не мѣшкать и скакать въ Петербургъ.

Наканунѣ Дашкова *), узнавши отъ Пассека о сильномъ ропотѣ солдатъ и боясь, чтобъ чего не вышло, написала на всякій случай женѣ камердинера, старухѣ Шкуриной, чтобъ она послала карету съ четырьмя почтовыми лошадьми къ своему мужу въ Петергофъ и велѣла бы ей дожидаться у него на дворѣ.

Панинъ считалъ эти хлопоты не нужными, полагая, что переворотъ еще не такъ близокъ, обстоятельства однако показали намъ, насколько предусмотрительность графини Дашковой была необходима.

Разставшись съ Орловымъ, графиня возвратилась домой. Къ вечеру портной долженъ былъ ей принести мужскія платья, чего однако не сдѣлалъ, а въ женскихъ она была слишкомъ связана, слишкомъ на виду. Далѣе, чтобъ не подать подозрѣнія, она отпустила свою горничную и легла въ постель, но не прошло и получаса, какъ кто-то стучалъ въ наружную дверь. Это былъ младшій Орловъ, присланный старшими братьями спросить, не рано ли тревожить государыню. Дашкова, крайне недовольная такой тактикой, осыпала гонца упреками и выругала заочно и братьевъ его: „какая тутъ рѣчь, говорила она, о томъ, потревожится государыня или нѣтъ: лучше ее безъ памяти, въ обморокѣ привезти въ Петербургъ, чѣмъ подвергнуть заключенію или вмѣстѣ съ нами эшафоту. Скажите братьямъ, чтобъ сейчасъ-же кто-нибудь изъ нихъ ѣхалъ въ Петергофъ.“ Всадникъ ускакалъ.

Тутъ наступила для Дашковой мучительная пора одиночества и ожиданій, она рѣшительно съума сходитъ за свою Екатерину (да, было изъ за чего!), представляетъ ее себѣ блѣдной, измученной, въ тюрьмѣ, идущей на казнь и „все это по нашей винѣ“. Измученная и въ лихорадкѣ,

*) Мы [illegible] по [illegible] Дашковой, [illegible] Екатерины [illegible] А. Герцена.

ждетъ она вѣсти изъ Петергофа; наконецъ получаетъ сообщеніе, что императрица выѣхала въ Петербургъ.

Какъ Алексѣй Орловъ ночью вошелъ въ павильонъ къ Екатеринѣ, которая преспокойно спала и бесѣдовала во снѣ со своими многочисленными любовниками и также не знала Григорія Орлова, какъ и Дашкова, — но тотчасъ-же рѣшилась ѣхать въ каретѣ, приготовленной у Шкурина, какъ Орловъ сѣлъ кучеромъ и загналъ лошадей такъ, что императрица была принуждена съ своей горничной идти порядочное пространство пѣшкомъ; далѣе-какъ они потомъ встрѣтили дорогой порожнюю телѣгу, какъ Орловъ нанялъ ее и совершенно по просту и безъ затѣй съ ней повезъ самодержавную царицу въ Петербургъ, — все это понынѣ неизвѣстно.

Прикативъ такимъ образомъ въ столицу, Екатерина отправилась въ казармы Измайловскаго полка, гдѣ стараніями Орловыхъ и Пассека уже все было подготовлено къ возстанію.

„Храбрые" и „царю и отечеству преданные" измайловцы приняли Екатерину съ восторгомъ и не удивительно почему: имъ увѣрили, что царь Петръ хотѣлъ въ эту ночь убить ее и наслѣдника Павла. Изъ казармъ солдаты съ шумомъ и криками „ура" проводили „несчастную вѣнценосицу" въ Зимній дворецъ, и на улицахъ уже тутъ и тамъ можно было слышать провозглашенія Екатерины царствующей императрицей; препятствій, такимъ образомъ, не предвидѣлось. Народъ, сломя голову, бѣжалъ ко дворцу, сановники собирались, архіепископъ, окруженный придворнымъ духовенствомъ и хоромъ, со святой водой ждалъ „ея величество" (Боже мой, что это за иронія!) въ дворцовой церкви.

Отсюда, сопровождаемая измайловцами, Екатерина направилась въ Казанскій Соборъ, гдѣ уже *заставила* себя чествовать самымъ церемоніальнымъ образомъ. И здѣсь эта безстыдная женщина передъ святымъ алтаремъ совершила еще новое тяжкое преступленіе: вмѣсто того,

чтобы, какъ требовало постановленіе того времени, провозгласить на царство Павла, „сына“ Петра Ѳеодоровича, а за собой удержать лишь титулъ регентши, она съ согласія своихъ соучастниковъ, объявила себя Самодержавной всея Россіи Императрицей, — на что однако не имѣла ни малѣйшаго права.

Когда Дашкова съ чрезвычайными усиліями пробралась до Екатерины, онѣ бросились другъ къ другу въ объятія и только и могли выговорить: „ну, слава Богу! слава Богу!“

Далѣе Дашкова выражала неоднократно свое удивленіе тому, что переворотъ такъ „легко“ удался, „безъ особаго плана, людьми вовсе не согласными между собою, нисколько не схожими ни образованіемъ, ни характеромъ, ни положеніемъ“ — и она говоритъ: если принять все это въ соображеніе, „то участіе перста Божія мнѣ становится ясно.“ Къ послѣднимъ словамъ Александръ Герценъ вѣрно замѣчаетъ: переворотъ конечно былъ необходимъ, но если перстъ Божій такъ прямо участвовалъ въ немъ, то въ этотъ день руки у Бога все же не совсѣмъ были чисты.

Чтобы не вызвать волненій въ народѣ и облегчить совѣсть чиновниковъ и вѣрноподданныхъ на присягѣ, заговорщики распространили по городу слухъ, что императоръ Петръ де упалъ въ Ораніенбаумѣ съ лошади и притомъ такъ несчастно, что остался на мѣстѣ мертвымъ. Но на самомъ дѣлѣ несчастный шутъ еще жилъ, не подозрѣвая такой скорой развязки, празднуя оргіи въ своемъ Ораніенбаумскомъ дворцѣ съ своей неразлучной Романовной.

Послѣ возмутительнаго и наглаго обмана, розыграннаго въ Казанскомъ Соборѣ, безстыдная клятвопреступница изъявила желаніе стать во главѣ вѣрнаго войска и идти въ Петергофъ. Она надѣла мундиръ прежней преображенской формы, взявъ его у капитана Талызина. Дашкова тоже, но сержантскій мундиръ — и съ Богомъ въ путь!

Замѣтимъ при этомъ, что какъ только Екатерина пріѣхала въ Петербургъ, солдаты безъ всякаго приказа

сбросили съ себя новые мундиры и надѣли старые петровскіе (Петра I-го) и показали такимъ образомъ, что Петръ III былъ для нихъ ничѣмъ.

Пока Дашкова переодѣвалась, собрался чрезвычайный совѣтъ подъ предсѣдательствомъ самой царицы, составленный изъ высшихъ сановниковъ и сенаторовъ, находившихся подъ рукой. Часовые, разставленные у дверей зала, пропустили въ нее между прочимъ и молодаго офицера съ удивительно смѣлой поступью и отважнымъ видомъ. Никто кромѣ Екатерины не узналъ въ немъ Дашковой; она подошла къ царицѣ и сказала ей, что караулъ очень плохъ, что такъ пожалуй пропустятъ и Петра въ совѣтъ, если онъ вдругъ вздумаетъ явиться. И видно изъ этого, какъ все это общество мало знало безхарактерность жалкаго царя: и знай онъ даже, что въ этой залѣ рѣшалась его участь, онъ по своей уже одной безхарактерности не явился бы туда, чтобы хотя бы однимъ словомъ помѣшать, заступиться за себя. Разумѣется, караулъ былъ немедленно усиленъ, а въ залѣ императрица диктовала Теплову манифесты. Тутъ-же объявила она присутствовавшимъ, кто былъ этотъ молодой офицеръ, вошедшій такъ sans-façon въ зало и шептавшійся съ нею. Само собою стоявшіе сенаторы встали со своихъ мѣстъ и подобострастно привѣтствовали храбрую и энергичную заговорщицу.

Принявъ нужныя мѣры для спокойствія столицы, царица и Дашкова сѣли по мужски на лошадей и по дорогѣ въ Петергофъ сдѣлали смотръ двѣнадцати тысячамъ человѣкъ. Пріемъ новой правительницы былъ всюду „самый сердечный и восторженный“.

Въ Красномъ Кабакѣ инсуррекціонная армія сдѣлала привалъ. Надобно было дать людямъ отдыхъ. вѣдь вотъ уже двѣнадцать часовъ, какъ они на ногахъ. Императрица и Дашкова, не спавшія послѣдніе ночи, были тоже сильно утомлены и нуждались въ отдыхѣ. Дашкова на скорую руку постлала на диванъ шинель, взятую у одного изъ

полковниковъ, разставила около дверей и подъ окнами часовыхъ и бросилась вмѣстѣ съ новою самодержицей, не снимая мундировъ, въ эту незатѣйливую постель, чтобы на часъ или другой уснуть.

Герценъ говоритъ: нельзя не признаться, что есть что-то необыкновенно увлекательное въ этой отвагѣ двухъ женщинъ, перемѣняющихъ судьбу имперіи, въ этой революціи, дѣлаемой красивой, умной женщиной, окруженной молодыми людьми, влюбленными въ нее, между которыми на первомъ планѣ красавица 18-ти лѣтъ, верхомъ, въ преображенскомъ мундирѣ и съ саблей въ рукахъ.

Несчастный Петръ въ это время ѣздилъ изъ Ораніенбаума въ Петергофъ и обратно, не умѣя ничего придумать, ни на что рѣшиться. Онъ искалъ свою строгую супругу по комнатамъ павильона, за шкапами, [illegible], какъ будто она съ нимъ играла въ жмурки, и не безъ самодовольства повторялъ своей Романовнѣ: „Вотъ видишь, что я правъ, я былъ увѣренъ, что она сдѣлаетъ что-нибудь, я всегда говорилъ, что эта женщина способна на все.“

Убіеніе Петра.

Еще возлѣ него стоялъ престарѣлый вождь Минихъ, еще вся Россія и часть Петербурга были не противъ него, но онъ уже совсѣмъ былъ внѣ себя, растерялся и рѣшительно не зналъ, съ чего начинать. Показавъ примѣръ невѣроятной трусости подъ Кронштадтомъ, онъ велѣлъ императорской яхтѣ грести не къ флоту, а снова къ Ораніенбауму, — дамы боялись качки и моря. Петръ же боялся всего. Ночь была тихая, лунная. Жалкій императоръ спрятался въ каютѣ со своими любовницами, а на палубѣ сидѣли въ мрачной задумчивости, съ досадой, стыдомъ и грустью на сердцѣ два героя — Минихъ и Гудовичъ. Они теперь увидѣли, что противъ воли нельзя спасать людей.

Въ четыре часа утра пристали они снова къ Ораніенбауму и съ понурыми головами и дрожью во всѣхъ членахъ, тайкомъ, какъ трусливые воры, вошли во дворецъ. Петръ засѣлъ за письменный столъ; онъ писалъ письмо къ Екатеринѣ.

Въ тѣ-же четыре часа сѣдлали двухъ лихихъ коней, одного для императрицы, другого для Дашковой, и вотъ онѣ снова веселыя и исполненныя энергіи передъ войскомъ, выступившимъ въ пять часовъ въ походъ и остановившимся отдохнуть у Троицкаго монастыря.

Тутъ начали являться одинъ за другимъ гонцы Петра, привозя одно предложеніе глупѣе другого: онъ отказывался отъ престола, просился Христомъ-Богомъ въ Голштинію, признавалъ себя виноватымъ, недостойнымъ царствовать и т. п. — Екатерина отвѣтила ему, требуя отъ него, чтобъ онъ безусловно сдался, во избѣжаніе большихъ золъ и обѣщала при этомъ устроить ему наивозможно лучшую жизнь въ одномъ изъ загородныхъ дворцовъ, по его выбору.

Войска Екатерины спокойно — сопротивленія вѣдь ни откуда не было — заняли Петергофъ. Орлова послали на рекогносцировку; разумѣется, о противникахъ и помину не было. Голштинцы, окружавшіе Петра въ Ораніенбаумѣ и преданные ему, были готовы умереть за него, но онъ приказалъ имъ не оказывать никакого сопротивленія и не защищаться вовсе. Онъ хотѣлъ бѣжать, велѣлъ приготовить лошадь, но сѣлъ не на нее, а въ коляску съ своей возлюбленной и Гудовичемъ и печально самъ повезъ свою „повинную“ голову виновной женѣ своей. Его провели потихоньку въ дальнюю комнату дворца. Романову-же и Гудовича, который и тутъ себя велъ съ необыкновеннымъ благородствомъ, арестовали. Петра, какъ къ смерти присужденнаго, за часъ до казни накормили и напоили и повезли затѣмъ въ Ропшу подъ конвоемъ Алексѣя Орлова, Пасека, Барятинскаго и Баскакова. Ропшу онъ выбралъ самъ, она ему принадлежала, когда онъ еще

быть великимъ княземъ. Другіе, впрочемъ, говорятъ, что онъ вовсе не былъ въ Ропшѣ, а въ имѣніи Разумовскаго.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Екатеринѣ Петръ говорилъ о своемъ отреченіи, въ другомъ о лицахъ, которыхъ желалъ бы оставить при себѣ; исчисляетъ все, что ему нужно для житья, при чемъ именно упоминаетъ о запасѣ бургонскаго вина и табаку. Далѣе требовалъ этотъ жалкій правитель скрипку, библію и разные романы, причемъ прибавлялъ, что онъ хочетъ сдѣлаться философомъ. Онъ въ слезахъ молилъ извергов вернуть ему Воронцову и не разлучать его съ нею, просилъ оставить ему его вѣрнаго слугу негра Нарциса, дать ему любимую собаку и скрипку, на которой онъ такъ охотно игралъ, но безжалостные варвары и въ этомъ ему отказали.

Солдаты праздновали занятіе Петергофа, вломились въ дворцовые погреба и пили венгерское касками, принимая его за медъ. Орловъ слышалъ объ этомъ безпорядкѣ, но по трусости или лѣни не сдвинулся съ мѣста, Дашкова же сейчасъ отправилась внизъ, приняла грозный видъ и своимъ тоненькимъ голосомъ возстановила порядокъ. Довольная успѣхомъ, она отдала имъ всѣ деньги, бывшія съ нею и сказала солдатамъ, что по возвращеніи въ Петербургъ имъ позволятъ пить на казенный счетъ.

5-го іюля 1762 г. былъ совершенъ тотъ омерзительный кровавый фактъ, который покончилъ съ жизнью послѣдняго отпрыска изъ дома Романовыхъ. Это гнусное дѣло совершилъ Алексѣй Орловъ съ шайкой такихъ же злодѣевъ, какъ Екатерина и его братья.

Событія въ Ропшѣ до сихъ поръ не были еще вполнѣ выяснены. Княгиня Дашкова, принимавшая активное участіе въ этомъ переворотѣ и посвященная въ это гнусное дѣло, неоднократно выражалась, что кровавый актъ совершенъ рукою Алексѣя Орлова.

Гельбигъ же разсказываетъ, что Алексѣй Орловъ набросился на Петра, но когда тотъ сталъ умолять и

сопротивляться, то разжалобился и выбѣжалъ на террасу. Дѣло же докончили уже его соучастники.

Покончивъ съ несчастнымъ Петромъ, Алексѣй Орловъ немедленно поскакалъ въ Петербургъ къ Екатеринѣ, которая приняла вѣсть о смерти супруга прямо-таки съ діавольскимъ спокойствіемъ, какое только возможно при томъ желѣзномъ и безсердечномъ характерѣ, какимъ обладала эта въ развратѣ зачерствѣвшая женщина.

Тотъ же самый Гельбигъ добавляетъ, что когда Алексѣй Орловъ выбѣжалъ изъ дворца, остальные злодѣи набросились на отравленнаго Петра и, не довольствуясь этимъ, стали душить его подушками; завязалась ужасная борьба, во время которой князь Барятинскій схватилъ салфетку, сдѣлалъ изъ нея петлю и набросилъ ее на шею несчастной жертвѣ. При этомъ нѣсколько изверговъ, отмѣченныхъ нынѣ громкимъ именемъ и графскимъ или княжескимъ титуломъ, ухватили за ноги и руки несчастнаго и такимъ путемъ обезоруживъ жертву, дали возможность барону Энгельгардту затянуть зловѣщую петлю.

Курьеръ Екатерины, который въ качествѣ пассивнаго зрителя присутствовалъ при этой душераздирающей сценѣ, увѣрялъ, что онъ никогда въ жизни не слыхалъ подобнаго ужаснаго крика и стона. Два рядовыхъ, помогавшихъ въ этомъ дѣлѣ и не отличавшихся сдержанностью въ словахъ, были для виду произведены въ офицеры, посланы въ провинцію и тамъ тихо и смирно — умерщвлены . . .

Но несмотря на всѣ мѣры предосторожности, это гнусное кровавое дѣло не осталось тайной, и особенно полно документировано участіе и отношеніе къ нему Екатерины. Такъ наприм., французскій дипломатъ Бретейль послалъ немедленно послѣ задушенія Петра слѣдующую депешу своему правительству: „Какое ужасное явленіе и какой примѣръ для народа, если послѣдній только способенъ отнестись къ событіямъ хладнокровно. Съ одной стороны внукъ Петра I-го свергнутъ съ трона и умерщвленъ, съ

другой — внукъ царя Ивана страдаетъ въ оковахъ и заточенiи. При этомъ принцесса Ангальтъ-Цербстская завладѣла короной предковъ Петра I-го и Ивана и убiенiемъ императора-мужа достигла трона!"

Офицiально народъ узналъ о смерти Петра изъ манифеста самозванной императрицы, въ которомъ между прочимъ, говорится о томъ, что Петръ III скончался скоропостижно отъ недуга, который его одерживалъ уже нѣсколько разъ втеченiе жизни. Въ частномъ же письмѣ къ своему бывшему фавориту, Понятовскому, у ней хватаетъ наглости, умалчивая о настоящей причинѣ смерти, называть эту болѣзнь „геморроидальными коликами".

Похороны Петра были очень скромны и въ отсутствiи Екатерины.

Опубликованiе кровавой драмы въ Ропшенскомъ дворцѣ совершилось по слѣдующей случайности: нѣкто Рулье, служившiй секретаремъ при французскомъ посольствѣ, написалъ, какъ очевидецъ, довольно обширное сочиненiе объ Екатеринѣ и ея пособникахъ въ достиженiи трона. Рулье сдалъ свой манускриптъ либеральному энциклопедисту Дидро для изданiя, но Дидро, подкупленный Екатериной, не только что отказался самъ отъ изданiя, но даже оказалъ препятствiе къ печатанiю сочиненiя Рулье и, благодаря тому же либералу, русскому посольству въ Парижѣ удалось купить манускриптъ Рулье вмѣстѣ со всѣми правами на оный. И такимъ образомъ опубликованiе такого важнаго историческаго манускрипта было задержано до смерти его автора, и лишь благодаря А. И. Герцену, издавшему въ шестидесятыхъ годахъ мемуары Екатерины II, узнали мы суть этой ужасной исторiи, въ правдивость коей въ силу ея звѣрскаго характера и по сiю пору рѣшительно съ трудомъ вѣрится. Да, но это было такъ, и остается только пожелать одного, чтобы эта хотя и горькая истина имѣла бы надлежащее распространенiе въ Россiи и чтобы такимъ образомъ разъ навсегда замолкли хвалебные гимны и диѳирамбы, воспѣваемые и по сегодня

ордой сикофантовъ или лакеевъ-лизоблюдовъ, имена коихъ нерѣдко украшаетъ профессорскій титулъ!

Вотъ что говоритъ нашъ незабвенный авторъ „Съ того берега" объ этомъ фактѣ:

Дашкова играла въ немъ очень важную роль и объ участіи ея говорила сама императрица Бестужеву. Кто бы могъ подумать, что дочь Романа Воронцова поможетъ мнѣ сѣсть на престолъ.

Но вѣсть объ убійствѣ Петра исполнила Дашкову ужасомъ и отвращеніемъ; она до такой степени была взволнована и возмущена этимъ пятномъ „на переворотѣ, который не стоилъ ни капли крови", что не могла настолько переломить себя, чтобъ ѣхать на другой день во дворецъ. Она минуетъ въ своихъ запискахъ всѣ подробности этого гадкаго происшествія: три офицера, изъ которыхъ одинъ былъ [illegible], полчаса работали, чтобъ удушить [illegible] отравленнаго арестанта, — какъ будто нельзя было подождать четверти часа. Она полагаетъ, что Екатерина не знала впередъ о намѣреніи А. Орлова; вѣрнѣе однако то, что Дашкова не имѣла понятія о участіи Екатерины, которая тщательно умѣла скрывать что хотѣла; о ея интригѣ съ Григорьемъ Орловымъ, напримѣръ, тоже не только не знали ни Панинъ, ни другіе заговорщики, но ни сама даже Дашкова.

Екатерина поняла, что было на душѣ у Дашковой, и увидѣвши ее, стала съ ужасомъ говорить о томъ, что случилось.

— Да, ваше величество, отвѣчала Дашкова, смерть эта слишкомъ скоро и рано пришла для вашей и для моей славы.

Объ А. Орловѣ Дашкова ничего знать не хотѣла и, проходя однажды пріемной залой, она громко при всѣхъ сказала, что конечно Алексѣй Орловъ пощадитъ ее своимъ знакомствомъ, и, дѣйствительно, слишкомъ 25 лѣтъ они не кланялись и не говорили другъ съ другомъ.

Весьма вѣроятно, говоритъ тотъ же Герценъ, что Екатерина не давала приказанія убить Петра III: Александръ сдѣлалъ больше: онъ рѣшительно требовалъ, чтобъ не убивать Павла до смерти, отправляя къ нему ватагу крамольныхъ олигарховъ. Мы знаемъ изъ Шекспира, какъ даются эти приказанія: взглядомъ, намекомъ, молчаніемъ. Зачѣмъ Екатерина поручила надзоръ за слабодушнымъ Петромъ III злѣйшимъ врагамъ его? Пассекъ и Баскаковъ хотѣли его убить за нѣсколько дней до 27-го Іюня, — будто она не знала этого? И зачѣмъ же убійцы были такъ нагло награждены?

Дашкова приводитъ въ оправданіе Екатерины письмо отъ Орлова къ ней, писанное тотчасъ послѣ убійства, которое она ей показывала. Письмо это, говоритъ она, носило явные слѣды внутренняго безпокойства, душевной тревоги, страха и — нетрезваго состоянія. Письмо это береглось у императрицы въ особой шкатулкѣ съ другими важными документами.

Павелъ послѣ смерти матери велѣлъ при себѣ разобрать эти бумаги князю Безбородко. Дойдя до этого письма, Павелъ прочелъ его императрицѣ въ присутствіи придворной дамы. Потомъ онъ велѣлъ Ростопчину прочесть его великимъ князьямъ.

Герценъ говоритъ: я слыхалъ о содержаніи этого письма отъ достовѣрнаго человѣка, который самъ его читалъ. Оно въ этомъ родѣ:

„Матушка императрица, какъ тебѣ сказать, что мы надѣлали, какъ случилась бѣда, заѣхали мы къ твоему супругу и выпили съ нимъ вино; ты знаешь, каковъ онъ бываетъ хмельной: слово за слово, онъ насъ такъ разобидѣлъ, что дѣло дошло до драки. Глядимъ, — а онъ упалъ мертвый. Что дѣлать, возьми наши головы, если хочешь, или милосердая матушка, подумай, что дѣла не воротишь, и отпусти нашу вину."

Кто виноватъ? невольно спрашиваешь себя, и хотя Дашкова, Павелъ и др. и стараются сбросить съ плечъ

Екатерины къ ея виновности въ ужаснѣйшемъ преступленіи, имъ никогда не удастся „выгородить“ эту порочную женщину, такъ какъ одного вѣскаго факта достаточно, подтверждающаго безусловную ея виновность: зачѣмъ убійцы были ею такъ щедро награждены?

Заключеніе.

Петръ умеръ не будучи коронованъ. Тридцать четыре года послѣ его смерти Павелъ велѣлъ открыть его гробъ и короновать торжественнѣйшимъ образомъ бездыханное тѣло. Этотъ гороховый шутъ во многомъ напоминалъ Петра III-го и кончилъ такъ-же трагично, какъ и его царственный прототипъ. И сравнивая сумасбродства послѣдняго съ дурачествами Петра, право, трудно думать, что Павелъ былъ сынъ его, хотя матушка Екатерина и улыбнулась бы на такую наивность.

Петра III не стало, но его имя играло долгое время послѣ исчезновенія послѣдняго немаловажную роль въ русской исторіи. Не болѣе и не менѣе семи Лже-Петровъ появилось на политическомъ горизонтѣ, и одинъ смѣнялъ вслѣдъ другаго. Въ 1765 году появился какой-то воронежскій сапожникъ и объявился царемъ Петромъ, но былъ вскорѣ пойманъ и казненъ. Далѣе крестьянскій сынъ Чернышевъ, поднявшій въ 1770 г. близъ Крыма довольно видный бунтъ. Этотъ былъ также въ непродолжительномъ времени схваченъ и обезглавленъ. Въ 1771 году появился врачъ Стефанъ изъ Архипелага съ притязаніями на скипетръ и державу, но скрылся, не произведя особеннаго эффекта. Годъ спустя „воскресъ“ новый псевдо-Петръ въ лицѣ одного крестьянина изъ имѣній Воронцовыхъ, нѣсколько позже другой мужичекъ съ Уральскихъ горъ, скрывшійся удачно отъ бдительныхъ взоровъ императорскихъ агентовъ, еще далѣе: появился какой-то

каторжникъ, удравшій изъ Иркутска. Этого несчастнаго замучали плеткой до смерти и — наконецъ last not least — Емелька Пугачевъ, который не въ шутку помучалъ матушку-царицу и игралъ самую выдающуюся роль въ области лже-правителей.

Довольно стоновъ, слезъ и крови, къ чему этотъ ужасный калейдоскопъ, спроситъ себя читатель, — вѣдь каждое стеклышко давитъ все больше и больше! Къ чему развертывать предъ читающимъ міромъ такія позорныя страницы, вызывающія лишь краску въ лицѣ, стыдъ за родину?! — Нѣтъ, дорогой читатель, за родину краснѣть нечего; она перенесла средневѣковую татарщину, перенесла крѣпостничество и переживетъ и нынѣшнюю романовщину:

Вынесетъ все, и широкую ясную
Грудью дорогу проложитъ себѣ, —
Жаль только: жить въ эту пору прекрасную
Ужъ не прійдется ни мнѣ, ни тебѣ!

(Некрасовъ.)

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ, торгующихъ заграницей запрещенными русскими книгами, продаются слѣдующія новыя книги, изданныя **Іоанномъ Рэде** въ **Берлинѣ**:

Мар.

Алекс. Амфитеатровъ. Господа Обмановы . . . 1.—
[illegible] „Россія“ [illegible] а Ал. Амфитеатровъ (Old Gentleman) [illegible] 12 [illegible] въ Сибирь

— — Господа Обмановы. Глава 2-я, въ газ. „Россія“ не появившаяся . . . . 1.—

— — Господа Обмановы. Глава третья, самая сенсаціонная . . . . 1.—

М. Горькій. Три разсказа, не пропущенные русской цензурой, съ послѣсловіемъ М. Сукенникова . . 1.—

— — Революціонныя пѣсни и баллады, съ предисловіемъ М. Сукенникова . . . . 1.—

Голосъ изъ русской арміи. Разоблаченія . . . 2.—

Сергѣй Ждановъ. Три мѣсяца въ „одиночкѣ“ . 2.—

М. Сукенниковъ. Первый конгрессъ русскихъ студентовъ и студентокъ, учащихся заграницей . . 1.—

Избіеніе русской молодежи. Подробное изложеніе студенческихъ волненій со вступительнымъ письмомъ П. Карповича . . . . 1.—

Вл. Короленко. „Чудная“. Съ письмами автора и А. Чехова относительно выхода ихъ изъ состава почетныхъ академиковъ . . . . 1.—

Вл. Спасовичъ. Семь судебныхъ рѣчей . . . . 5.—
Содержаніе: I. Дѣло о 193 лицахъ. — II. Дѣло Мрочинскаго, Теглева и Фурсова — о [illegible] Матую

Мар.

Садовую улицу. — III. Дѣло Юрія Богдановича и Прибылевыхъ. — IV. Дѣло Вѣры Филипповой, Чемодановой и другихъ. — V. Дѣло о варшавскомъ „Пролетаріатѣ“. — VI. Дѣло объ убійствѣ кулачихи Босовской въ Псковѣ. — VII. Дѣло о Германѣ Лопатинѣ, Петрѣ Якубовичѣ и другихъ лицахъ.

В. А. Бильбасовъ. Исторія Екатерины Второй. Томъ I . . . . 10.—

— — Томъ II . . . . 15.—

Изданіе, дополненное главами, не пропущенными русской цензурой.

Въ этомъ сочиненіи цитируются многочисленные документы и разныя сообщенія изъ тайныхъ государственныхъ архивовъ, вслѣдствіе чего цѣсальное изданіе немедленно по своемъ появленіи въ свѣтъ было цензурой конфисковано и уничтожено. Этотъ трудъ весьма интересенъ для всякаго, желающаго основательно ознакомиться съ эпохой Екатерины II. Изложеніе труда прекрасно и настолько легко, что всякій прочтетъ названную книгу съ величайшимъ удовольствіемъ. Сочиненіе Бильбасова составляетъ событіе въ русской исторической литературѣ.

Н. Н. Флеровскій. Три политическія системы: Николай I, Александръ II и Александръ III . . . 6.—

Народныя Русскія Легенды, собранныя Афанасьевымъ . . . . 10.—

Л. Н. Толстой. Война и разумъ . . . . —.60

— — Крейцерова соната 1.50

Полный текстъ безъ сокращеній, сдѣланныхъ русской цензурой.

— — Въ чемъ моя вѣра . . . . 2.—

— — Исповѣдь. Вступленіе къ сочиненію „Въ чемъ моя вѣра“ 1.70

— — Воскресеніе. Романъ въ трехъ частяхъ . . . 5.—

Въ настоящее изданіе вошло все, что русской цензурой не пропущено.

Мар.

Крестьянская революція на югѣ Россіи. Подробное изложеніе хода крестьянскихъ волненій съ предисловіемъ М. Сукенникова и письмами Л. Н. Толстого царю . . . . 2.—

Салтыковъ-Щедринъ. Топтыгинъ I, Топтыгинъ II и Топтыгинъ III. Сказки для дѣтей изрядного возраста . . . . 1.—

Арт. Клейншмидтъ. Три столѣтія русской исторіи. Обзоръ исторіи Россіи со времени восшествія на престолъ Романовыхъ до настоящаго времени (1598—1898). Съ двумя генеалогическими таблицами, одной таблицей портретовъ и картой (ходъ развитія Россіи) . . . . 9.—

Содержаніе: Предисловіе. — До Петра Великаго. — Петръ Великій. — Екатерина II. — Петръ II и Анна. — Два регентства въ теченіе одного года. — Послѣдніе Романовы. — Первый Готторпъ. — Екатерина II. — Павелъ. — Александръ I. — Николай I. — Александръ II. — Александръ III. — Николай II.

К. В. Нюгольмъ:

Положеніе Финляндіи въ Россійской Державѣ 2.50

Матеріалы по Финляндскому вопросу. Оффиціальные документы, фактическія данныя, газетныя и журнальныя статьи и пр. 1.25

Мысли о современномъ положеніи Финляндіи . . . . —.80

Библіотека біографій выдающихся русскихъ революціонеровъ:

Вып. 1: **Варѳоломей Александровичъ Зайцевъ** . . . . 1.—

Сущность и значеніе **конституціи** графа **Лорисъ-Меликова** . . . . 1.—

Мар.

Смерть Александра III. Правдивыя замѣтки . . 1.—

А. Колосовъ. Его Величество (Serenissimus). Сборникъ придворныхъ анекдотовъ . . . . . . 3.—

Новые матеріалы по біографіи россійскихъ коронованныхъ особъ, составленные на основаніи заграничныхъ документовъ:

Томъ III. **Елизавета Петровна,** ея происхожденіе, интимная жизнь и правленіе . 2.—

„ IV. **Петръ III,** его дурачества, любовныя похожденія и кончина . . . . . . 2.—

„ VII. **Екатерина II,** ея происхожденіе, интимная жизнь и политика . . . 2.—

„ VIII. **Павелъ I.** Его семейная жизнь, фавориты и убійство . . . . 2.—

„ XI. **Александръ II,** его личность, интимная жизнь и правленіе . . . . . . 2.—

„ XII. **Александръ III,** его личность, интимная жизнь и правленіе . . . . 2.—

А. Бебель, Женщина настоящаго, прошедшаго и будущаго времени . . . . 3.—

В этой книгѣ знаменитаго вождя соціалистовъ обстоятельно обсуждается женскій вопросъ, имѣющій столь крупное значеніе для нормальнаго развитія современнаго общества. Авторъ такъ умѣло написалъ свою книгу, что она въ самый непродолжительный срокъ выдержала на нѣмецкомъ языкѣ 30 изданій.

Леонидъ Андреевъ, Бездна . . . . 2.—

Въ настоящее изданіе нашумѣвшаго разсказа вошло все, что русской цензурой не пропущено.

Продаются слѣдующіе томы:

Томъ III. *Елизавета Петровна,* ея любовныя похожденія.

„ IV. *Петръ III,* его дурачества и любовныя похожденія.

„ VII. *Екатерина II,* ея происхожденіе и интимная жизнь.

„ VIII. *Павелъ I,* его семейная жизнь, фавориты и убійство.

„ XI. *Александръ II,* его интимная жизнь и правленіе.

„ XII. *Александръ III,* его интимная жизнь и правленіе.

2007053195